

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО - ВО ВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

47-48

А.С.ГРИБОЕДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1 · 9 · М О С К В А · 4 · 6

ГРИБОЕДОВ и ДЕКАБРИСТЫ

Статья М. Нечкиной

I. К ИСТОРИОГРАФИИ ТЕМЫ

Появление темы о Грибоедове и декабристах в литературе (М. И. Семевский, Д. А. Смирнов, Аполлон Григорьев, А. И. Герцен). Связь появления темы с революционной ситуацией кануна реформ и с движением шестидесятых годов. Возникновение реакционной концепции темы «Грибоедов и декабристы» (Ф. М. Достоевский, А. С. Суворин, В. В. Розанов). Появление специальной научной историографии вопроса (Е. Г. Вейденбаум, Н. В. Шаломытов, П. Е. Щёголев, Н. К. Пиксанов). Вопрос о Грибоедове и декабристах в «Творческой истории «Горя от ума» Н. К. Пиксанова. Важность исследования связей Грибоедова и декабристов в первый петербургский период. Неправильность тезиса о 1820 годе, как о начальном моменте «летоисчисления» «Горя от ума».

* Тема о Грибоедове и декабристах наименее разработана в грибоедовской литературе. После восстания 1825 г. тема длительное время была под запретом — около 30 лет. Вопрос о Грибоедове и декабристах проник в литературу лишь после амнистии декабристов (1856). В октябре 1856 г. в «Москвитянине» появилась первая печатная работа М. И. Семевского, тогда еще прапорщика лейб-гвардии Павловского полка, хранившего предания о декабристах: «Несколько слов о фамилии Грибоедовых. Письмо к редактору журнала «Москвитянин»¹. В конце опубликованного здесь документального комплекса было помещено «Письмо Грибоедова к какому-то несчастному родственнику», содержание которого не оставляло сомнений: это — письмо Грибоедова к декабристу А. И. Одоевскому. Оно и явилось первым проникновением темы о Грибоедове и декабристах в область печатного слова. В 1859 г. (первый год революционной ситуации кануна реформ) родственник Грибоедова Дмитрий Александрович Смирнов, в будущем — увлечённый мировой посредник, передовой человек 1860-х гг. — опубликовал в «Русском Слове» драгоценный грибоедовский документ — «Черновую тетрадь» Грибоедова и вновь коснулся при этом вопроса о взаимоотношениях Грибоедова с декабристами, преимущественно с А. И. Одоевским². В 1860 г. М. И. Семевский напечатал в «Отечественных Записках» воспоминания декабриста А. А. Бестужева «Знакомство с А. С. Грибоедовым»³, а через два года Аполлон Григорьев выступил в журнале «Время» (1862) со специальной статьёй, посвящённой «Горю от ума», — «По поводу нового издания старой вещи», где поставил вопрос

о связи образа Чацкого с образами декабристов. «Чацкий до сих пор единственное героическое лицо нашей литературы. Пушкин провозгласил его неумным человеком, но ведь героизма-то у него не отнял да и не мог отнять. В уме его, т. е. практичности ума людей закалки Чацкого, он мог разочароваться, но ведь не переставал же он никогда сочувствовать энергии падших борцов. «Бог помощь вам, друзья мои!» писал он к ним, отыскивая их сердцем всюду, даже в мрачных пропастях земли»⁴. В 1864 г. А. И. Герцен выступил в зарубежной печати, широко развивая мысль о связи Грибоедова, Чацкого и декабристов. В работе «Новая фаза русской литературы» Герцен писал: «Фигура Чацкого, меланхолическая, ушедшая в свою иронию, трепещущая от негодования и полная мечтательных идеалов, появляется в последний момент царствования Александра I накануне возмущения на Исакиевской площади. Это — декабрист»⁵.

Так вошла тема о Грибоедове и декабристах в литературу. Её ввела в неё амнистия декабристов, революционная ситуация кануна 1860-х гг., бурное общественное оживление этой эпохи. С этого времени она начала входить и в биографический канон писателя, хотя научное исследование по существу ещё и не коснулась её. Утверждение связи Грибоедова с декабристами восходит непосредственно к большой проблеме связи русской литературы с общественным движением, а эта проблема относится ко всей системе идей, составляющих то «наследство 60—70 годов», от которого никогда не отказывался революционный марксизм. В своём дальнейшем развитии тема связала себя с именами людей, мировоззрение которых отмечено демократизмом и просветительством (Д. А. Смирнов, Алексей Веселовский).⁶

В 1880-е годы возникла реакционная концепция темы «Грибоедов и декабристы». Начало ей положил Ф. М. Достоевский, но его прямолинейное и горячее осуждение и Чацкого и декабристов (без отрицания связи между ними) не пришлось по вкусу реакции⁷. Новый реакционный вариант предложил А. С. Суворин, а третий вариант ещё более последовательно разработал В. В. Розанов, незадолго до этого торжественно отказавшийся от «наследства 60—70 годов»⁸. Розанов отрывал Грибоедова вместе с Чацким от передового общественного движения их времени, клеветнически обрисовывал Грибоедова как врага декабристов, полагал возможным участие Грибоедова в следственной над декабристами комиссии, да ещё «хвалил» его за это. «Ошибочный тип Скалозуба» и смиренный разночинец Молчалин не представляют собою, по Розанову, противоположного Чацкому лагеря (именно В. Розанову принадлежит «тезис» о Молчалине-разночинец и о связи его со... Сперанским). Таким образом, реакция сначала осудила связь Грибоедова и декабристов (Достоевский), а затем порвала её (Суворин, Розанов). В дальнейшем она стала топить её в «общечеловеческой» трактовке комедии.

До конца 90-х годов вопрос о Грибоедове и декабристах не имел своей специальной научной историографии как выделенная, самостоятельная тема. Он существовал лишь как часть общебиографических

работ и документальных публикаций, в отдельных абзацах и подчас даже фразах и афоризмах, не сопровождаемых ни ссылкой на первоисточники, ни научной аргументацией. Первой специальной работой, посвящённой самостоятельному исследованию темы, явилась статья Е. Г. Вейденбаума «Арест Грибоедова», напечатанная в газете «Кавказ» (1898). Эта линия была продолжена работой А. В. Безродного (Н. В. Шаломытова) «В. К. Кюхельбекер и А. С. Грибоедов», опубликованной в 1902 г. в «Историческом Вестнике»⁹. В 1903 г. появилась ценная работа П. Е. Щёголева «Грибоедов в 1826 году», позже несколько раз переизданная под более общим заглавием «Грибоедов и декабристы»¹⁰; к ней была приложена публикация следственного дела о Грибоедове. В статье разбирался вопрос о привлечении Грибоедова к следствию, о пребывании под арестом, допросах, освобождении, но вопрос о взаимоотношениях писателя и декабристов в целом освещён не был (в этом отношении первое заглавие статьи Щёголева точнее последующего). В 1906 г. была опубликована в «Известиях Академии Наук» ценная работа Н. К. Пиксанова «Грибоедов и Бестужев», а в 1911 г. в газете «Русские Ведомости» тот же автор опубликовал работу «К характеристике Грибоедова. Поэт и ссыльные декабристы», привлекавшую новый документальный материал¹¹. На этом, в сущности, и кончается собственно-научная линия историографической разработки темы. В исследовательском отношении было сделано, как видим, крайне мало: были документированы и получили разработку вопросы ареста и следствия (Е. Г. Вейденбаум, П. Е. Щёголев) и некоторые личные связи писателя с декабристами, наиболее подробно — с А. А. Бестужевым (Н. К. Пиксанов), совсем бегло и эпизодически — с В. Кюхельбекером, А. Одоевским, А. Добринским (Щёголев, Шаломытов, Пиксанов). Позже вопрос о взаимоотношениях Грибоедова с Кюхельбекером был попутно дополнен Ю. Н. Тыняновым в его работах, посвящённых Кюхельбекеру. Это было, собственно говоря, всё.

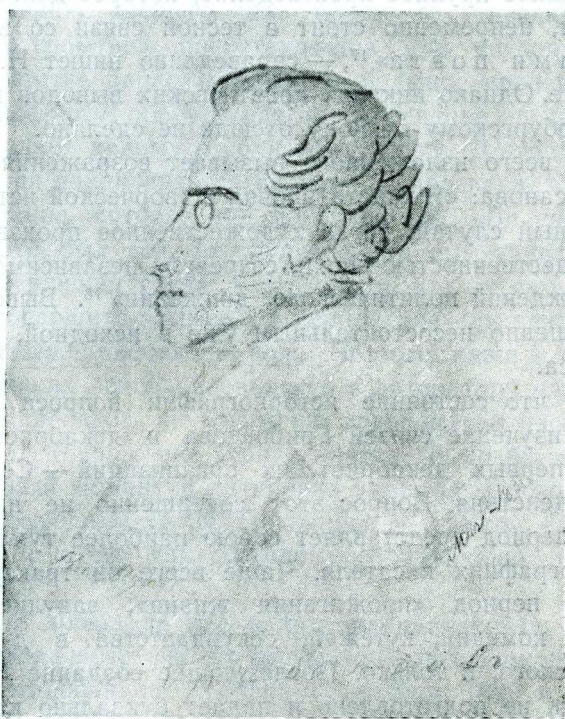
Ясно, что исследование темы о Грибоедове и декабристах в целом — очередная научная задача, ждущая своего разрешения.

Однако к этой историографической справке необходимо добавить данные об исключении вопроса о Грибоедове и декабристах из творческой истории «Горя от ума». Этот своеобразный тезис развит в обширном исследовании Н. К. Пиксанова «Творческая история «Горя от ума» (М. — Л. 1928).

Раскрывая содержание «доктрины творческой истории», Н. К. Пиксанов подчёркивал именно её историзм. Понять произведение можно только исторически — такова правильная исходная позиция исследователя. Однако, в силу ряда особенностей творческой истории «Горя от ума», вопрос о влияниях общественных «должен остаться вне монографии о творческой истории комедии»¹². Исключение столь важного вопроса крайне тревожит самого автора, и он многократно возвращается к нему, повторяя тезис об его исключении: «В строгих рамках творческой истории нам не придётся изучать состав общественно-политической идейности «Горя от ума» во всей полноте — в соотношениях с об-

щим мирозерцанием самого Грибоедова, с движением политических идей и настроений эпохи, с развитием социально-политических мотивов в русской литературе того времени»¹³. «Из исследования были исключены и влияния общественных движений на «Горе от ума»... Из исследования отведены литературные влияния, общественные влияния, бытовые прототипы. Это сурово стеснило поле наблюдений и умалило показательность результатов. Творческая история «Горя от ума» сосредоточилась на имманентном анализе внутренних художественных процессов».¹⁴ Каковы же причины столь сурового обращения с темой? Почему из творческой истории столь насыщенного политическими мотивами русского художественного произведения надо изъять именно изучение идейных влияний? Почему из творческой истории произведения, которое исследователь признает бесспорно «декабристским», надо изъять именно вопрос о декабристах? Аргументация этого изъятия такова. Согласно изысканиям исследователя, «Грибоедов начал писать «Горе от ума» в 1820 г. на Востоке. Весной 1823 г. Грибоедов привёз с собой с Востока в Москву перебелённый текст первых двух актов того автографа, который позже получил название «Музейного». В этой рукописи уже был дан основной идейный состав комедии, который не претерпел принципиальных изменений до самого конца работы. «Третий и четвёртый акты Музейного автографа были написаны летом 1823 года в уединённой деревне Бегичева, вне всяких общественных возбуждений, и, однако, содержат всю идейность (и иногда в более смелой формулировке), которая оказалась в окончательном тексте»¹⁵. В 1824 г., по мнению Н. К. Пиксанова, работа над «Горем от ума» была совершенно закончена. Такова основная хронология создания рукописного текста. Она-то и является основанием для исключения темы. Напомним, в какие именно периоды своей биографии Грибоедов общался с декабристами до момента окончания пьесы. Такими периодами являются: 1) жизнь Грибоедова в Петербурге в 1815—1818 гг. (по август) — в эти годы сформировались первые декабристские организации: в 1816 г. — Союз спасения, в 1818 г. — Союз благоденствия. (В конце августа 1818 г. Грибоедов уехал на Восток, и его общение с декабристами затруднилось; однако важную роль сыграло общение с В. К. Кюхельбекером в Грузии в 1821—1822 гг.). 2) 1823—1825 гг., а именно: жизнь Грибоедова в Москве в зимний сезон 1823/24 г. и пребывание его в Петербурге в 1824—1825 гг. Н. К. Пиксанов приходит к правильному выводу, что второй период не внёс принципиальных изменений в идейный состав комедии, так как изучение рукописей показывает, что идейный состав произведения установился ранее этих встреч, и поэтому изучение их не существенно в плане творческой истории комедии. Отсюда может следовать лишь один вывод: центр тяжести, очевидно, должен быть перенесён на изучение первого из указанных периодов — петербургской жизни 1815—1818 гг., периода, который хронологически предшествует работе Грибоедова над идейным составом комедии. Очевидно, интересующие нас идейные воздействия декабристов на творца «Горя от ума» могли

иметь место именно тогда. Но непостижимым образом Н. К. Пиксанов приходит к совершенно другому выводу: он полагает, что вопрос об идейных воздействиях декабристов на Грибоедова... надо изъять из творческой истории «Горя от ума». Почему? Потому, что в 1823—1825 гг., когда Грибоедов общался с декабристами, идейный состав комедии уже сформировался. Правильно, но ведь писатель общался с декабристами и раньше, в эпоху образования первых тайных обществ. Почему же исключать этот более ранний период?

ГРИБОЕДОВ

Рисунок Пушкина, 1831 г.

Литературный музей, Москва

Потому, отвечает неумолимая «доктрина», что творческая история произведения «начинается, когда возникает первый его замысел, и кончается, когда поэт наложил последний штрих на его текст». Поскольку Грибоедов не испытывал в этот период, т. е. в промежуток между 1820 и 1824 гг., таких воздействий, которые заставили бы его что-либо изменить в тексте по линии идейного состава, — декабристы исключены из круга изучения. Даже в порядке предистории шедевра первый петербургский период общения с декабристами в работу не включён. С логической точки зрения положение настолько своеобразно, что можно говорить о какой-то загадочной авторской aberrации, которая легла в основу существеннейшего исследовательского действия — исключения общественных воздействий из творческой истории самой об-

щественной пьесы. Эта аберрация была бы понятна лишь в том случае, если бы её автор не знал или забыл о существовании первого петербургского периода общения с декабристами. Но автор прекрасно знает о нём и даже к концу своего труда роняет указание на то, что Грибоедов «некогда в Петербурге, в 1815—1818 годах... испытывал сильные возбуждения политической мысли и настроений»¹⁶. Тем лучше! Почему же тогда исключать из предпосылок творчества именно этот период? Доктрина творческой истории не только допускает, но рекомендует их изучение: «... всякое крупное произведение, которое долго зреет и длительно строится, непременно стоит в тесной связи со всеми прежними опытами поэта»¹⁷, — справедливо пишет Н. К. Пиксанов в этой же работе. Однако никаких практических выводов по отношению к первому петербургскому периоду отсюда не сделано.

В результате всего изложенного вызывает возражения и конечный вывод Н. К. Пиксанова: «Я констатировал в творческой истории «Горя от ума» своеобразный случай, когда художественное произведение, тесно связанное с общественностью эпохи, созревало независимо от непосредственных возбуждений политического движения»¹⁸. Вывод этот надо признать совершенно несостоятельным уже в исходной, первичной постановке вопроса.

Отсюда ясно, что состояние историографии вопроса делает особенно настоятельным изучение связей Грибоедова и декабристов в период существования первых декабристских организаций — Союза спасения и Союза благоденствия. Вопрос этот совершенно не изучен. Первый петербургский период представляет собою наиболее туманную главу в имеющихся биографиях писателя. Чаще всего он трактуется преимущественно как период «прожигания жизни», закулисных историй, писания лёгких комедий, кутежей, секундантизма в дуэли Шереметева — Завадовского, и только. Последующее создание «Горя от ума» всем этим никак не подготовлено и падает буквально как бы с неба.

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЗАМЫСЛА КОМЕДИИ

К какому времени относится замысел комедии «Горе от ума»? Так называемый «вещий сон» Грибоедова и гипотеза Н. К. Пиксанова. Ошибочность этой гипотезы. Смысл «сна о клятве». Незначительность свидетельства Ф. Булгарина. Свидетельство В. В. Шнейдера. Два свидетельства Ст. Н. Бегичева. Свидетельство Д. О. Бебутова. Вывод: замысел комедии должен быть отнесён к 1816 г. Возможность привлечения «Путевых Записок» Грибоедова (1819) и «Рассказов из прошлого» Новосильцевой для освещения первоначального периода работы над комедией.

Когда задумано Грибоедовым «Горе от ума»? К какому времени относится замысел комедии?

Н. К. Пиксанов в своей работе «Творческая история «Горя от ума» уделяет этому вопросу значительное внимание. Взвешивая ценность разнообразных свидетельств о датах начала работы над комедией, исследователь отдаёт предпочтение 1820 г., основываясь на известном рассказе о «вещем сне» Грибоедова, дошедшем до нас в двух вариан-

тах — в изложении самого Грибоедова и в передаче Фаддея Булгарина. Ещё в пятидесятых годах критик «Отечественных Записок» имел основание заметить: «Грибоедов мог видеть и не видеть сон, о котором биографы распространяются с таким простосердечием, и всё-таки написал бы «Горе от ума». Замечание совершенно справедливое. Однако, поскольку запись Грибоедовым своего сна является основанием для датировки замысла «Горя от ума» и начала работы над комедией, необходимо разобраться в этом свидетельстве.

Условное название «вещего сна», почему-то утвердившееся в литературе за этим событием, представляется мне неудачным. Это — сон Грибоедова о клятве написать какое-то большое произведение — повидимому, речь идёт о «Горе от ума» (произведение не названо); клятву эту Грибоедов даёт какому-то близкому другу. Дошедший до нас отрывок записи сна заканчивается словами Грибоедова, что он выполнит наяву то обещание, которое дал другу во сне: «Во сне дано, на яву исполнится». Это был сон, не пророчивший ему таинственного и непременного завершения труда, а сон о том, что он сам, Грибоедов поклялся другу завершить замысел, а исполнение или неисполнение клятвы зависело от его, Грибоедова, воли. Поэтому даже в самом условном смысле нет никаких оснований вводить в литературу название «вещего сна». Ни сам Грибоедов, ни Булгарин, которому он рассказал сон, так его не называют. Выражение «сон о клятве» было бы правильнее. Это событие — важный момент в датировке замысла. Поскольку я не могу согласиться с выводами Н. К. Пиксанова и начать «летоисчисление» «Горя от ума» с этого сна, остановлюсь подробно на разборе его аргументации¹⁹.

Рассказ о сне дошёл до нас в двух вариантах: 1) личная запись самого Грибоедова в отрывке его письма к неизвестному другу (А. А. Шаховскому?), датированная «Табрис 17 ноября 1820 г. — час пополудни», и 2) запись Ф. Булгарина в его «Воспоминаниях о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове», опубликованных в январской книжке «Сына Отечества» за 1830 г. Другие рассказы восходят к одному из этих источников и для нашей цели значения не имеют.

Начнём со свидетельства Ф. Булгарина. «Вот каким образом родилась эта комедия. Будучи в Персии, в 1821 г., Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лёг спать в киоске в саду и видел сон, представивший ему любезное отечество со всем, что осталось в нём милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берёт карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план «Горя от ума» и сочиняет несколько сцен первого акта. Комедия сия заняла все его досуги, и он кончил её в Тифлисе, в 1822 г.»²⁰. Рассказ этот сосредоточен именно на теме начала работы над комедией, на инициативном моменте, первом замысле; рассказ предварён замечанием: «Вот каким образом родилась эта комедия»; тема возникновения замысла оттенена и в самом

изложении событий. Грибоедов, увидев сон, в ту же ночь начертывает план «Горя от ума» и сочиняет несколько сцен первого акта. По Булгарину, вот так зародилась комедия, так возник замысел, так началось исполнение.

Но вот рассказ об этом самого Грибоедова, запись только что виденного сна в письме к другу, пронизанная всем трепетом его волнения, всей свежестью непосредственного переживания: «Вхожу в дом, в нём праздничный вечер; я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка, Поль с женою, меня принимают в двери. Пробегаю первый зал и ещё несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Попадаются многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; вы там же сидели в углу, наклонившись к кому-то, шептали и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и ещё куда-то пошёл, где-то был, воротился; вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, А. С.? Как переменились? Узнать нельзя. Пойдёмте со мной; увлекли далеко от посторонних в уединённую, длинную, боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо. Но во сне величины искажаются, а всё это сон, не забудьте».

«Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что напишете. — Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Обязываюсь. — Через год, клятву дайте... И я дал её с трепетом. В эту минуту малорослый человек, в близком от нас расстоянии, но которого я, давно слепой, не довидел, внятно произнёс эти слова: лень губит всякий талант... А вы обернись к человеку: посмотрите, кто здесь?.. Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился мне на шею... дружески меня душил... Катенин!.. Я пробудился».

«Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звёзды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара, звонким голосом возвещал ранний час молитвы (— ч. по полуночи) ему вторили со всех мечетей, наконец, ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла моё беспмятство, затеплил свечку в моей храмине, сажусь писать, и живо помню моё обещание; во сне дано, на яву исполнится»²¹.

Сопоставляя этот замечательный текст с записью воспоминаний Булгарина, мы устанавливаем ряд серьёзных расхождений. Булгарин относит сон к 1821 г., Грибоедов точно датирует письмо — 17 ноября 1820 г. Грибоедов вовсе не рассказывал в кругу друзей о плане комедии и не

Боедову, так и его другу: последний досадует, что Грибоедов ничего не написал для него, просит дать обещание, что напишет. «Что же вам угодно? — С а м и з н а е т е. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Обязываюсь». Грибоедов немедленно догадывается, о каком именно произведении идёт речь, и друг также в курсе дела, так как ему говорит: «Сами знаете»; нет никаких уточняющих вопросов о теме произведения — всё ясно для ведущих разговор: такое-то произведение должно быть готово через год, в этом даётся клятва, а какое именно произведение — это обоим уже известно.

Ясно, что нет никакой нужды относиться к свидетельству Булгарина, раз есть личная запись самого Грибоедова, сделанная под самым свежим впечатлением виденного. Ясно, что сон может рассказать только тот, кто его видел, и всякие «свидетельства» из вторых рук о содержании сна неважны. Булгарин кое-что запомнил, кое-что за давностью времени присочинил. В 1820 г. Грибоедов с ним знаком не был и писать о сне ему не мог, он познакомился с ним только в начале июня 1824 г., то-есть, в лучшем случае, Грибоедов рассказал ему сон о клятве почти через четыре года после того, как его видел, а Булгарин записал его ещё через пять лет. Ясно, что запись Булгарина вообще не имеет значения источника и учитывать надо только рассказ самого Грибоедова. Сон о клятве, им рассказанный, — важная дата в творческом процессе «Горя от ума». Это дата какого-то большого внутреннего импульса, оживившего за думанное ранее произведение, давшего толчок творчеству; это момент начала особо усердной и оживлённой работы над тем, что раньше хотя и было задумано, но двигалось медленно и временами замирало. Поэтому вывод Н. К. Пиксанова: «это — поворотный пункт, и, собственно, от него следует вести летоисчисление «Горя от ума», — представляется мне не только совершенно необоснованным, но и возникшим в силу фактической ошибки. Грибоедовский текст не говорит ни о возникновении замысла, ни о начале работы над комедией. Этот вывод основан на ошибочной булгаринской версии, не имеющей в данном случае значения первоисточника²².

Итак, «Горе от ума» было задумано не в 1820 году, — оно было задумано раньше. Когда же?

Необходимо искать других свидетельств о дате начального замысла комедии. Таких свидетельств дошло до нас четыре: первое принадлежит В. В. Шнейдеру, знавшему Грибоедова ещё в студенческие годы; второе и третье принадлежат одному и тому же лицу — Степану Никитичу Бегичеву, ближайшему и душевному другу Грибоедова. Четвёртое сделано хорошим знакомым Грибоедова — Д. О. Бебутовым.

В. В. Шнейдер, будучи уже глубоким стариком, сообщил около 1860 г. студенту Л. Н. Майкову, что однажды Грибоедов в начале 1812 г. прочёл ему и воспитателю Грибоедова Иону «отрывок из комедии, им задуманной; это были начатки «Горя от ума»²³. Н. К. Пиксанов справедливо сомневается в соответствии этого свидетельства действительности. Правда, доводы его, обосновывающие сомнение, не пред-

ставляются мне решающими, и я выдвинула бы иные, но выводы совпадают. Н. К. Пиксанов отвергает это свидетельство в силу того, что 1) Грибоедов в семнадцатилетнем возрасте не мог так близко знать московское общество; 2) речь идёт о каком-то неизвестном отрывке, содержание которого не изложено; 3) Н. К. Пиксанов полагает, что Шнейдер мог смешать эти отрывки с отрывками из первого произведения Грибоедова «Дмитрий Дрянской». Доводы эти не кажутся мне убедительными. Грибоедов покинул Москву именно в семнадцатилетнем возрасте и вновь провёл в ней перед началом работы над комедией не более 10—12 дней, проездом на Восток осенью 1818 г. Отсутствие и з л о ж е н и я содержания отрывка — вообще момент не обязательный для воспоминаний, — нельзя же отвергать какие-либо свидетельства об общеизвестных произведениях только на том основании, что они не излагают их сюжета. Третье предположение — о возможности смешения этих отрывков с отрывками из комедии «Дмитрий Дрянской» — совершенно голословно, поскольку текст «Дмитрия Дрянского» нам неизвестен и похож он или не похож на «Горе от ума» — мы не знаем.

Главный аргумент, отводящий свидетельство В. В. Шнейдера, на мой взгляд, иной, — это невозможность задумать «Горе от ума» до 1812 г.: настолько пронизан самый сюжет комедии обстоятельствами послевоенного времени, настолько отчётливо восходит самая коллизия молодого поколения и фамусовского лагеря к определённом историческому моменту, ко времени после заграничных походов. Замысел «Горя от ума» до войны 1812 г. просто не мог бы возникнуть в силу исторических оснований. Свидетельство Шнейдера поэтому не может быть принято, оно крайне сомнительно по существу.

От Ст. Н. Бегичева до нас дошло два свидетельства. В письме к А. А. Жандру от 1838 г., говоря о неточностях биографии Грибоедова в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара, Бегичев пишет (бегло и даже неточно согласовывая слова): «Горе от ума» в Грузии написал только 2 действия (:начал в Персии:), а остальные действия в Ефремовской моей деревне, селе Дмитровском...»²⁴. Второй раз Бегичев более подробно пишет о том же в своих воспоминаниях о Грибоедове: «Никогда не говорил мне Грибоедов о виденном им в Персии сие, вследствие которого он написал «Горе от ума», но известно мне, что план этой комедии был сделан у него ещё в Петербурге 1816 года и даже написаны были несколько сцен; но не знаю, в Персии или в Грузии Грибоедов во многом изменил его и уничтожил некоторые действующие лица, а между прочим, жену Фамусова, сентиментальную модницу и аристократку московскую (тогда ещё поддельная чувствительность была несколько в ходу у московских дам) и вместе с этим выкинуты и написанные уже сцены».²⁵ Между первым и вторым свидетельством Бегичева Н. К. Пиксанов усматривает решительное противоречие; в письме к Жандру сказано, что Грибоедов начал «Горе от ума» в Персии (очевидно, начал п и с а т ь — таков контекст), а в мемуарах весь подробный рассказ о начале комедии отнесён к Петербургу. Если два свидетельства одного лица противоречат друг другу,

очевидно, надо или отвергнуть оба или в силу каких-то соображений дать предпочтение одному. Н. К. Пиксанов, не приводя оснований, предпочитает первую, более беглую, запись Бегичева — второй. Мне кажется, надо отдать предпочтение именно второму, детализированному рассказу, гораздо более отчётливому и подробному по сравнению с первой, беглой записью. Ясно, что Бегичев не выдумал такие детали, как жену Фамусова; в Музейном автографе, наиболее ранней из дошедших до нас редакций, такого самостоятельного действующего лица нет. Именно рукопись двух первых актов этой редакции была привезена Грибоедовым с Востока и читалась Бегичеву, а затем в отдельных местах исправлялась согласно его замечаниям. Ясно, что если Бегичев вспоминал жену Фамусова, сентиментальную модницу с поддельной чувствительностью, то был какой-то литературный текст, в котором она существовала и проявляла указанные качества; текст этот не дошёл до нас, а Бегичеву он был известен до отъезда Грибоедова на Восток, что соответствует и указанной им дате замысла — 1816 г.

Бегичев сам пишет, что сцены 1816 г. не вошли в текст комедии и были отброшены, — он может поэтому в письме к Жандру относить глагол «начал» к определённой рукописи (Музейному автографу), к тому основному составу комедии, который был автором сохранён. Тогда видимое противоречие между двумя свидетельствами Бегичева отпадает: в письме к Жандру он бегло говорит об истории определённой рукописи, впервые донёсшей до нас принятый автором состав текста комедии, а в своих воспоминаниях о Грибоедове он подробно рассказывает историю самого замысла «Горя от ума» и упоминает о первоначальных, не дошедших до нас и самим автором отвергнутых текстах. Полагаю, что самым достоверным, подробным и важным свидетельством является запись в воспоминаниях Бегичева о Грибоедове — именно этому свидетельству можно дать полную веру.

Навстречу этому идёт и четвёртое — последнее — свидетельство кн. Д. О. Бебутова. Молодой офицер Нарвского драгунского (позже гусарского) полка кн. Бебутов в 1819 г. выехал с Украины на родину в Грузию просить у родителей разрешения жениться. Заметим, что ранее, в годы заграничных походов, полк, где служил Бебутов, находился в составе кавалерийских резервов, которыми командовал А. С. Кологривов; весной 1814 г. Кологривов делал ему смотр, а затем полк целый месяц стоял в Бресте, где приводил себя в порядок перед походом. В Бресте в то же время был и Грибоедов, адъютант Кологривова. Хотя следующий ниже текст Бебутова и относит знакомство автора с Грибоедовым лишь к 1819 г., однако это обстоятельство требует дополнительной проверки; маловероятно, чтобы адъютант Кологривова не был знаком с офицерским составом полка, вошедшего в состав кавалерийских резервов и целый месяц пребывавшего в том же городе. Редакция «Кавказского Сборника», где в отрывках цитированы воспоминания Бебутова, не стеснялась обычно править и вносить пояснительные замечания в полученный текст, поэтому возникает невольно вопрос: были ли слова «я с ним познакомился» в первоначаль-

ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ
АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ
КОЛОГРИВОВ

Портрет маслом Д. Доу, 1820-е гг.
Галерея участников Отечественной
войны 1812 г., Зимний дворец,
Ленинград

ном тексте Бебутова? Так или иначе, Бебутов — молодой офицер, всего на два года старше Грибоедова, кавалерист, собрат по роду оружия, побывавший в своё время и в Кобрине и в Бресте (сколько тем для общих воспоминаний!), человек свободолобивых настроений, отменивший телесные наказания в своей воинской части — ждёт в Моздоке оказии, чтобы ехать с попутчиком по Военно-Грузинской дороге. «В продолжение этих дней приехал из Грозной Александр Сергеевич Грибоедов. Он был у Алексея Петровича Ермолова, в то время находившегося в экспедиции в Чечне, и возвращался в Тифлис; я с ним познакомился. Грибоедов доставил мне сведения о брате моём Василии, находившемся в той же экспедиции. Итак, от Моздока до Тифлиса мы ехали вместе и коротко познакомились. Он мне читал много своих стихов, в том числе между прочим и из «Горя от ума», которое тогда у него ещё было в проекте. Всем известно, как он был интересен и уважаем. Я полюбил его всею моею душою и по прибытии в Тифлис предложил ему остановиться у нас; он был принят в доме нашем со всем радушием, вскоре и породнился с нами, держа мальчика на купели с моей матерью. Он учился тогда персидскому языку и так как отец мой не умел говорить по-русски, то он объяснялся с ним по-персидски довольно изрядно»²⁶. Свидетельство это чрезвычайно ценно, и обстоятельства, здесь изложенные, не вызывают сомнений. Добавим, что сам Бебутов не был чужд литературных интересов: так, он помогает Н. Н. Муравьёву подготовить к изданию текст его путешествий в Хиву, подбирает и систематизирует его записки, вносит их в одну общую тетрадь и т. д. В «Черновой тетради» Грибоедова сохранился листок (повидимому, относящийся к 1820 г.) с записью ряда фамилий, — вероятно, это список лиц, которым

Грибоедов хотел писать письма; в этом списке значится фамилия Бебутовой. Видимо, Грибоедов близко сошёлся и с семьёй Бебутова²⁷.

Критикуя показание Бебутова и не давая ему веры, Н. К. Пиксанов приходит к выводу, что Грибоедов читал Бебутову какие-то свои тексты, но это было не «Горе от ума», как утверждает Бебутов, а какие-то наброски, этюды и проекты «без приурочения к определённой пьесе»²⁸. Несколько ниже Н. К. Пиксанов полагает, что «и Шнейдер, и Бегичев, и Бебутов говорят не о первоначальной редакции «Горя от ума», а о чём-то ином, хотя может быть и близко напоминающем комедию»²⁹. На чём же основан этот вывод в части, касающейся свидетельства Бебутова? На трёх соображениях: 1) Бебутов во многих (?) своих показаниях бывал неточен, например, он утверждал, будто Грибоедов для дуэли с Якубовичем ездил в Нижегородский полк (заметим, что полк этот был расположен в Караагаче, недалеко от Тифлиса); между тем дуэль была хотя и в окрестностях Тифлиса, но не в месте расположения Нижегородского полка); 2) записки составлены в 1861 г., когда Бебутов многое уже позабыл; 3) Бебутов говорит не о полном тексте комедии, — «Горе от ума» было тогда, по его словам, «только в проекте». Надо признать, что ни на одном из указанных выше обстоятельств, ни на всей их совокупности никак нельзя построить вывода, что Грибоедов читал Бебутову отрывки не из «Горя от ума», а из какой-то другой, похожей на него пьесы. Этого нельзя вывести ни из того, что Грибоедов не ездил для дуэли в Нижегородский полк, ни из того, что Бебутов неточен в отдельных деталях, ни из того, что он поздно записал свои мемуары, ни из того, что Грибоедов читал «не полный текст» комедии. Самое построение силлогизма несостоятельно и никак не может быть принято. На мой взгляд, сообщение Бебутова чрезвычайно важно, не содержит, подобно показанию Шнейдера, внутренних противоречий и полностью согласуется с важным и подробным свидетельством ближайшего друга Грибоедова — Бегичева: тот свидетельствует, что Грибоедов задумал «Горе от ума» в 1816 г., — этот, что осенью 1819 г. Грибоедов читал ему отрывки из ещё не законченной пьесы, над которой он работал. «Горе от ума» трудно с чем-нибудь спутать — это не какой-нибудь лирический отрывок, элегия или что-либо в этом роде. Поскольку это отрывок из комедии, любая его строка приурочена к определённому лицу, а любое из действующих лиц имеет свой характерный облик, запоминается. Трудно представить себе в творчестве драматургического писателя какие-то «наброски, этюды и проекты, без приурочения к определённой пьесе». У драматурга любой отрывок восходит к какому-то замыслу и рождается как часть такового. Он может быть неизвестен исследователю, но автору он уж наверно известен. В наследии Грибоедова вообще отсутствуют какие бы то ни было драматургические отрывки, не приуроченные к определённому замыслу. Особенно же неправильной представляется мне гипотеза Н. К. Пиксанова о наличии у Грибоедова какой-то неизвестной нам пьесы, чрезвычайно похожей на «Горе от ума», но не являющейся «Горем от ума». В целях

последовательности надо признать, что это неизвестное произведение даже содержало в числе действующих лиц Фамусова и его жену (об этом свидетельствует Бегичев), но всё-таки не являлось «Горем от ума!» Гипотеза эта поражает своей искусственностью.

Общий наш вывод таков: на основании свидетельства ближайшего друга Грибоедова С. Н. Бегичева можно утверждать, что «Горе от ума» задумано Грибоедовым в 1816 г., задумано именно как целое: он написал тогда план комедии и начал работу над нею. В Петербурге в это время он и написал несколько сцен. Очевидно, он продолжал работу над нею и на Востоке ещё до «сна о клятве» 1820 г.; в 1819 г. он читал дорогою из Моздока в Тифлис отрывки из «Горя от ума» Бебутову. Работа над комедией шла всё же не так быстро, как хотелось автору, временами замирала и в общем мало продвинулась вперёд. В ноябре 1820 г. в Тавризе замысел оживился; автора охватило горячее желание усиленно работать над комедией, закончить её «через год непременно». «Сон о клятве», записанный Грибоедовым, — свидетельство этого состояния. Старые сцены не удовлетворяют, отвергаются, переделываются. Работа в Персии, в общем, кладёт начало привычному для нас составу комедии.

Установив первоначальную хронологическую канву, соотнесём с ней ещё три существенных свидетельства. Ей не противоречит чрезвычайно существенная запись самого Грибоедова, что во время переезда из Тифлиса в Персию в 1819 г. он охвачен творческим настроением, что-то пишет. В путевых записках 1819 г., адресованных Бегичеву, Грибоедов записывает под 10—13 февраля: «А начальная причина всё-таки ты. Вечно попрекаешь меня малодушием. Не попрекнёшь же вперёд, право нет; музам я уже не ленивый служитель. Пишу, мой друг, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть»³⁰. В свете приведённых выше свидетельств предположение, что речь тут идёт о творческом процессе над комедией «Горе от ума», не может быть отведено никакими существенными аргументами. К тому же, никаких иных произведений Грибоедова, относящихся к 1819 г., до нас не дошло. Предположение, что Грибоедов работает над «Горем от ума», очень правдоподобно и хорошо согласуется как со свидетельствами Бегичева, так и со свидетельством Бебутова: творческий процесс над комедией продолжался в 1819 г., сопровождался выраженным желанием кому-то прочесть написанное; в ноябре или начале декабря того же года произошла встреча с Бебутовым, и Грибоедов мог удовлетворить столь понятному своему желанию — прочесть милому спутнику, собрату по оружию, почти сверстнику, человеку близких политических настроений и не чуждому литературе, с которым нашлось, кстати, не мало общих воспоминаний, — отрывки из сочиняемой пьесы. В обстановке персидского одиночества творческий процесс опять замер — опять Грибоедов стал музам «ленивый служитель»: он пишет в письме к Катенину из Тавриза в феврале 1820 г. (месяцев за девять до «сна о клятве»): «Весёлость утрачена, не пишу стихов, может и творились бы, да читать некому; сотруженники не Русские»³¹. Этот факт также полностью

укладывается в очерченные выше хронологические рамки — в Персии до «сна о клятве» творческий процесс иногда приостанавливался.

Последнее свидетельство, которое надо соотносить с хронологической канвой, вводит нас вновь к 1818 г. Я имею в виду «Рассказы из прошлого» Новосильцевой, в которых сообщён характерный и, несомненно, беллетризованный в позднейшей записи эпизод из московской жизни Грибоедова. Рассказ этот был передан Новосильцевой англичанином Фомой Яковлевичем Эвансом, университетским профессором и, вместе с тем, музыкантом — вероятно, английским учителем Грибоедова (последний отлично знал, как известно, английский язык и английскую литературу). Эванс рассказывал, что по Москве разнёсся слух, будто Грибоедов сошёл с ума. Встревоженный слухом, Эванс поехал к Грибоедову навестить его и выяснить положение. Грибоедов взволнованно рассказал ему, что он «дня за два перед тем был на вечере, где его сильно возмутили дикие выходки тогдашнего общества, раболепное подражание всему иностранному и, наконец, подобострастное внимание, которым окружали какого-то француза, пустого болтуна. Негодование Грибоедова постепенно возрастало, и, наконец, его нервная жёлчная природа высказалась в порывистой речи, которой все были оскорблены. У кого-то сорвалось с языка, что «этот умник» сошёл с ума; слово подхватили, и те же Загорецкие, Хлёстовы, гг. Н. и Д. разнесли его по всей Москве».

«Я им докажу, что я в своём уме, — продолжал Грибоедов, окончив свой рассказ, — я в них пушу комедией, внесу в неё целиком этот вечер, им не поздоровится! Весь план у меня уже в голове, и я чувствую, что она будет хороша». На другой день он задумал писать «Горе от ума»³².

Последнюю фразу, как крайне наивную и противоречащую предыдущему изложению, конечно, надо отбросить. Наивность её не нуждается в комментариях, а противоречивость её очевидна: Грибоедов сегодня утверждает, что у него готов весь план комедии в голове, а «задумывает» писать комедию только «завтра». Рассказ этот явно приукрашен и нарочито приближён в деталях к эпизоду с «французиком из Бордо» в «Горе от ума». Отбрасывая детали и учитывая лишь самый факт стычки с московским обществом, чрезвычайно правдоподобный, спросим себя, к какому времени можно отнести этот рассказ. Речь в нём явно идёт о взрослом Грибоедове, а не о Грибоедове-ребёнке и о времени до окончания «Горе от ума» — иначе рушится самый сюжет свидетельства. Взрослый Грибоедов до окончания комедии был в Москве дважды: дней 10—12 проездом на Восток в 1815 г. и несколько более летом 1823 г. по возвращении с Востока и перед отъездом в деревню Бегичева (тогда у него уже были готовые два первые акта комедии). Н. К. Пиксанов относит эпизод к 1823 г., «когда Грибоедов явился в Москву зрелым человеком, зорким наблюдателем и строгим судьёй. Посещение балов, вечеров, праздников и пикников весной 1823 г. давало поэту много возможностей к спорам и столкновениям»³³. Полагаю, что гораздо правдоподобнее отнести этот эпизод к приезду 1818 г.; зре-

Во мещане купили за старыми, вдали
А для брата, брату в мещане,
Мужа похитили на деле не признавал,
И вшир платки похитили, право,
Еще сад по бабочку для бабочки дарюта,
А похитили, а, а, а, а, а, а, а, а, а, а,
Во соруду бабу, похитили мещане,
И похитили в бы соруду.

Вот Святая парма, Минимума Родуруру

Судья (Суд мещане мещане)
Мещане мещане... Мещане,
И судья, похитили
Вшир судья во соруду мещане мещане,
Вшир мещане... мещане мещане.

Во Судья

Судья, а во мещане мещане мещане,
Мещане! мещане мещане! мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане!

Вшир мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане!

Вшир мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане!

Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане,
Мещане мещане мещане мещане мещане!

Мещане мещане мещане мещане мещане!

ЖАНДРОВСКАЯ РУКОПИСЬ «ГОРЯ ОТ УМА»
Принадлежала дружке Грибоедова А. А. Жиделю
Нынешние рукою Грибоедова страницы 240 и 241
Исторический музей, Москва

мый, установившийся и более выдержанный человек двадцативосьмилетнего возраста, к тому же дипломат, каким был в 1823 г. вернувшийся с Востока Грибоедов, очевидно, менее был расположен вступать в бурные споры на балах, нежели двадцатитрёхлетний молодой человек, гораздо менее уравновешенный и более пылкий, еще не имеющий к тому же дипломатического опыта. Более того: его письма к Бегичеву в 1818 г. донесли до нас свидетельства такого недовольства Москвою, которое легко могло породить описанное выше столкновение, — Грибоедов, подобно Чацкому, мог бы сказать в этот момент: «Нет, недоволен я Москвой». Он пишет: «В Москве всё не по мне. Праздность, роскошь, несопряжённые ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему»; далее развита мысль, что его недооценили в Москве (с цитатой «несть пророк без чести, токмо в отечестве своём»). Это свидетельство самого автора хорошо согласуется с приведённым выше рассказом. Предположительная датировка эпизода осенью 1818 г. представляется мне более правдоподобной, нежели отнесение его к 1823 г. Что же касается времени написания комедии, оно прекрасно согласуется со свидетельством Бегичева и не противоречит данным Бебутова. Согласно приведённому выше эпизоду, комедия в 1818 г. уже задумана Грибоедовым. Слова рассказа «весь план у меня уже в голове» точно перекликаются со свидетельством того же Бегичева: «План этой комедии был сделан у него уже в Петербурге».

Так обогащается установленная выше в основных хронологических моментах картина замысла. Комедия задумана в 1816 г. В этом же году возникла первая тайная организация декабристов — «Союз спасения».

III. СВЯЗИ ГРИБОЕДОВА С ДЕКАБРИСТАМИ И ИХ ОКРУЖЕНИЕМ В ГОДЫ «СОЮЗА СПАСЕНИЯ» И «СОЮЗА БЛАГОДЕНСТВИЯ»

Дружеские связи и знакомства Грибоедова в декабристской среде в первый петербургский период. Дружба с С. Н. Бегичевым. П. А. Катенин, А. А. Жандр, П. П. Каверин. Старые студенческие связи. Знакомство с С. П. Трубецким. Никита Муравьёв, Я. Н. Толстой, Никита и Александр Всеволожские. Вопрос о А. Фридрихе; В. Кюхельбекер, А. Якубович, Артамон Муравьёв. Вопрос о знакомстве с П. И. Пестелем и Н. И. Тургеневым. М. П. Бестужев-Рюмин, П. Я. Чаадаев и круг Раевских. Круг декабристских связей С. П. Бегичева. Мухановы, А. А. Челищев, А. Л. Кологривов. Кто был Поливанов — «скамарох»? Ф. Ф. Гагарин, В. П. Ивашев, И. Г. Бурцов. Вопрос о знакомстве Грибоедова с А. А. Олениным и Федором Глинкой. Н. Н. Оржицкой. Вопрос о знакомстве с Д. П. Зыковым, С. М. и П. Н. Семеновыми. Круг людей декабристских настроений: И. Щербатов, А. Г. Строганов. Знакомство Грибоедова с А. С. Пушкиным. «Русский Пелам» Пушкина. Круг Мордвиновых. Взаимные связи и встречи всего декабристского круга. Отъезд Грибоедова на Восток. Значение петербургского периода в создании «Горя от ума». Общий облик Грибоедова перед его отъездом на Восток. Проезд через Москву. Хронология непосредственных московских впечатлений о «Горе от ума». Итоги.

Понятна особая важность вопроса: кто из декабристов и их близких друзей — носителей той же идеологии — был знаком с Грибоедовым в первый петербургский период? На чьих живых примерах мог Грибое-

дов наблюдать основную коллизию времени, столкновение старого и нового мира, в которой он сам принимал непосредственное участие? В какой духовной атмосфере он развивался, в какой общественной среде формировалось его политическое мировоззрение?

Перечислим и кратко охарактеризуем тех декабристов и их ближайших друзей, с которыми Грибоедов был знаком в первый петербургский период, а также тех, знакомство с которыми мы можем предположить со значительной степенью достоверности. Вопрос этот совершенно не изучен в грибоедовской литературе, между тем его изучение представляется исключительно важным. В какой общественной атмосфере созревала одна из самых общественных комедий нашей литературы? Источники крайне скудны, но, тем не менее, еще не использованы до конца. Не ограничиваясь только перечислением фамилий, сопроводим их краткой характеристикой упоминаемых лиц.

Некоторые из лиц, перечисляемых и характеризуемых ниже, стали членами декабристских организаций — «Союза спасения», Военного общества, «Союза благоденствия» — в годы их знакомства с Грибоедовым. Они могли непосредственно донести до него идейное направление тайной организации, её политическую атмосферу. Другие, не вступив в первые тайные общества, оказались в позднейшем членами тех организаций, которые возникли и развились уже в годы отсутствия Грибоедова в столице. Это — будущие члены Северного или Южного обществ. Хотя они и не были членами тайного общества в момент своего общения с Грибоедовым, всё же очень важно учесть знакомство с ними писателя: люди вступали в общество в результате какого-то внутреннего идейного развития, предварявшего согласие на вступление; чтобы стать членом общества, надо было предварительно воспитать в себе тот «вольный образ мыслей», которым интересовалась следственная комиссия, как причиной вступления в общество. Ниже читатель встретит не мало примеров этого вольнодумства, развившегося в годы более ранние, нежели вступление члена в общество. И эти люди — будущие члены тайной организации — также окружали Грибоедова кипением идей своего времени, поэтому знакомство с ними не должно быть забыто. Нельзя забыть также и лиц, прикосновенных к преддекабристским организациям — «Священной артели» или, например, артели семёновских офицеров. Наконец, не должны быть упущены и друзья декабристов — лица, которые, вроде А. А. Жандра, никогда не входили в тайную организацию, но, тем не менее, были причастны к её идейной атмосфере, к её настроениям. Из всех этих разнообразных представителей тогдашней передовой молодёжи и слагается тот широкий и живой круг знакомств Грибоедова, который воздействовал на него и на который воздействовал он сам. В этом живом общении и сказывался тот «дух времени», в атмосфере которого родился замысел «Горя от ума».

Близкая дружба Грибоедова с членом «Военного общества» и «Союза благоденствия» Степаном Никитичем Бегичевым общеизвестна. Это — «душа, друг и брат» Грибоедова. Между ними нет тайн.

Моральное влияние Бегичева на Грибоедова вне сомнений. «Ты, мой друг, поселил в меня, или, лучше сказать, развернул свойства, любовь к добру, я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души с того времени, как с тобою познакомился и, ей богу! когда я с тобою побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее», — пишет Грибоедов своему другу 18 сентября 1818 г.³⁴ «Ты вспомни, что я себя совершенно поработил нравственному твоему превосходству»³⁵. Друзья были неразлучны и жили вместе, о чём свидетельствует Бегичев: «Я служил тогда в гвѣрдии; и мы жили с ним вместе»³⁶. Бегичева принял в тайное общество Никита Муравьев.

Будущий член первой декабристской организации — «Союза спасения», а затем Военного общества декабристов — Павел Александрович Катенин познакомился с Грибоедовым в петербургский период и, видимо, в самом его начале, поскольку Бегичев упоминает его имя, как только начинает рассказывать об этом времени: «Всегдашнее же наше и почти неразлучное общество составляли Грибоедов, Жандр, Катенин, Чипягов и я»³⁷. Жили они в это время сравнительно недалеко друг от друга: Грибоедов — «на Екатерининском канале у Харламова мосту, угольный дом Валька»³⁸, а Катенин — на углу Б. Миллионной и Зимней канавки, в Преображенских казармах. Близость Грибоедова с Катениным засвидетельствована и письмами первого (к сожалению, до нас дошли далеко не все письма Грибоедова к Катенину): «Душа моя Катенин, надеюсь, что не сердись на меня за письмо, а если сердись, так сделай одолжение, перестань. Ты знаешь, как я много, много тебя люблю», — пишет ему Грибоедов 19 октября 1817 г.³⁹ Из писем Катенина к Бахтину известно, что доверие Грибоедова к Катенину было таково, что Грибоедов давал ему читать письма своей матери⁴⁰.

П. А. Катенин — один из будущих основателей Военного общества. В годы петербургской жизни Грибоедова он в кульминации своих вольнодумческих настроений. В армии распространена его песня:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.

Друг Пушкина, большой авторитет в литературном и театральном мастерстве, даже сам игравший на сцене, соавтор одной из комедий, написанных вместе с Грибоедовым («Студент»)⁴¹, Катенин — одна из фигур общественного и литературного движения изучаемого периода.

Какие-то связи с Преображенским полком у Грибоедова сохранились даже после ссылки Катенина. Оказавшись вновь в Петербурге, Грибоедов пишет в октябре 1824 г. письмо Катенину, посылает ему копию своих новых стихов и добавляет: «Переписывал кто-то в Преображенском полку»⁴².

Говоря о круге лиц, близких к декабристам, с которыми Грибоедов общался в петербургский период, необходимо в первую очередь назвать имена А. А. Жандра и В. С. Миклашевич, живших «на Мойке, в доме военно-счётной экспедиции, близ Синего моста»⁴³.

Андрей Андреевич Жандр и его подруга Варвара Семёновна Миклашевич входят в круг самых близких и неизменных друзей Грибоедова. Дружба с ними прошла через всю жизнь писателя. Он постоянно

ДЕКАБРИСТ И. Д. ЯКУШКИН

Рисунок Ж. Вивьена, 1813 г.

Местонахождение оригинала неизвестно

помнил Жандра и Варвару Семёновну в самых дальних местах, куда забрасывала его судьба, делился с ним задушевыми переживаниями, прибегал к их советам в трудную минуту жизни, поручал им свои дела, требовавшие особой тонкости и душевности. «Жандрик мой как живёт?», спрашивал Грибоедов в письме к Катенину. Сам литератор, Жандр был близко знаком с литературной жизнью Грибоедова, сохранил драгоценную рукопись «Горя от ума»; бывали у Грибоедова и Жандра общие литературные замыслы: Жандр перевёл с Грибоедовым комедию Барта «Притворная неверность»; в 1824 г. Грибоедов думал перевести вместе с Жандром «Ромео и Юлию» Шекспира для актёров Колосовой и Каратыгина, талант которых он высоко ценил.

Для основной темы нашего исследования особо важен вопрос о политических настроениях Жандра. Он не был декабристом, но его в полном смысле слова можно назвать другом декабристов. Это же почётное наименование можно по праву применить к В. С. Миклашевич. Оба они были близки с А. Одоевским, душевно любили его, благородно вели себя во время его ареста. Не будучи декабристом, Жандр был арестован по делу о восстании. Он зарегистрирован в известном «Алфавите декабристов»: «Требован к ответу по тому случаю, что вечером 14 декабря, после рассеяния мятежников, принял к себе одного из них, князя Одоевского, и дал ему способ уйти из города, снабдив его платьем и деньгами», — значится в «Алфавите»⁴⁴. Побыв несколько дней под арестом, испытав все тревоги заключённого в тюрьму человека за неясность своей судьбы, Жандр вернулся на волю неизменившимся. Когда его друг Грибоедов был также арестован и заперт на гауптвахте, он не боялся тайком принимать у себя арестованного в те дни, когда тому путём сговора со стражей удавалось вырываться из тюремных стен. Жандр скрыл пакет, взятый у Грибоедова при аресте⁴⁵. Все это происходило сейчас же вслед за арестом самого Жандра, — малейшая неосторожность, новый арест (чем кончится дело Грибоедова в тот момент, никто не знал), и Жандру не миновать бы нового и на этот раз гораздо более серьёзного лишения свободы. Положение было настолько серьёзным, что Грибоедов ещё в декабре 1826 г. не решался открыто писать Жандру. «В переписке ли ты с Андреем? Он от меня ни строчки не имеет. Невозможно», — писал Грибоедов Бегичеву. Понятно, что одно дело было писать Бегичеву и другим лицам, не подвергавшимся аресту, и другое дело — поднадзорному и подвергавшемуся аресту Жандру. Слежка III отделения за Жандром и Миклашевич засвидетельствована донесением ближайшего помощника Бенкендорфа — М. Я. фон-Фока⁴⁶. Те доказательства политических настроений Жандра, которые не связаны непосредственно с Грибоедовым и его друзьями, также говорят за то, что перед нами — человек передовых убеждений. Жандр шёл за гробом Чернова, убитого на дуэли Новосильцевым. Как известно, поединок аристократа Новосильцева со скромным офицером Черновым, вступившимся за честь своей сестры, кончился смертью обоих участников дуэли. Похороны Чернова вылились в широкую общественную демонстрацию, направленную против высшей аристократии. Родственник Чернова и его секундант, декабрист Рылеев писал об общественном смысле дуэли:

Клянёмся честью и Черновым —
 Вражда и брань временщикам,
 Царей трепещущих рабам,
 Тиранам, нас унести готовым.
 Нет, не отечества сыны
 Питомцы пришлецов презренных...
 Мы чужды их семей надменных,
 Они от нас отчуждены.⁴⁷

Новосильцев «для пустых толков ещё пустейших людей преступил все законы чести, общества и человечества. Пусть я паду, но пусть падёт и он в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмеялись над невинностью и благородством души», — писал Чернов в своей предсмертной записке⁴⁸. Декабристы приняли активное участие в этой демонстрации, всего на три месяца предшествовавшей восстанию 14 декабря. Е. Оболенский так определял общественный смысл демонстрации: «Всё что мыслило, чувствовало, соединилось здесь в безмолвной процессии и безмолвно выражало сочувствие тому, кто собою выразил идею общую, которую всякий сознавал — и сознательно и бессознательно: защиту слабого против сильного, скромного против гордого».

Д. А. Смирнов засвидетельствовал, что Жандр особенно любил говорить обо всём, что относится к 14 декабря. «Видимо, что он всем этим происшествиям сочувствует», — замечает Смирнов. Жандр рассказал ему, что с какими-то (не названными им) друзьями ездил на Голодай искать могилы казнённых декабристов⁴⁹. Жандр сказал Смирнову, что читает постоянно «des choses prohibées» (запрещённые вещи), например, «всё герценовское»⁵⁰.

Что касается Варвары Семёновны Миклашевич (также писательницы), она разделяла эти настроения. По крайней мере, правая рука Бенкендорфа М. Я. фон-Фок не только осведомлён об этом, но даже приписывает именно ей основное влияние на Жандра. Говоря о подловленных им слухах, что у вдовы Рылеева бывают собрания сочувствующих её горю, Фок злобно пишет: «Старая корга Миклашевич, вовлёкшая в несчастье некоего Жандра, своим змеиным языком распускала эти слухи». Кроме свидетельства о связях Миклашевич с кругом Рылеева, эти строки интересны тем, что, по мнению фон-Фока, именно Миклашевич «вовлекла» Жандра в несчастье.

Бесспорны встречи Грибоедова в этот же период с сотоварищем университетских лет — Петром Павловичем Кавериним. Письмо Грибоедова к Бегичеву от 4 сентября 1817 г. свидетельствует о большой близости с Кавериним. Узнав, что Бегичев ушёл с кавалергардами в Москву, Каверин запросто, без церемоний переехал жить к Грибоедову: «Ночью являюсь домой и нахожу у себя чужих пенатов — Каверинских»⁵¹. Грибоедов и позже этого периода поддерживал связь с Кавериним: «Когда будешь в Москве, попроси Чаадаева и Каверина, чтобы прислали мне трагедию Пушкина «Борис Годунов»⁵², — пишет Грибоедов Бегичеву в декабре 1826 г. В интересующий нас период Каверин (с начала 1816 г.) — в одном полку с Чаадаевым: оба они переведены в это время в лейб-гвардии гусарский полк; Чаадаев из Ахтырского гусарского, в котором служил он прежде, а Каверин — из гусарского Ольвиопольского.

В Пушкинской литературе вопрос о Каверине нередко приобретает наивную и совершенно ненаучную постановку. Пушкинист или стремится «замять» щекотливый вопрос о пушкинской дружбе с гусаром, пьяницей, бреттёром и забиякой Кавериним, или впадает в морализи-

рующий тон и вздыхает — что, мол, ты, брат Пушкин, сдружился с таким повесой — ничему хорошему от него не научишься. Академик Л. Н. Майков остроумно замечает по этому поводу, что Пушкина «корят дружбой с Кавериним уже более 80 лет»⁵³. Ясно, что подобный подход не имеет ничего общего с научным. Перед историком и литературоведом — непреложный факт дружбы Пушкина и Грибоедова с Кавериним. Попытаться «изменить» или «замять» этот факт не приходится — он неизменно существует. Дело исследователя — не морализировать и давать запоздалые советы Пушкину, а рассмотреть явление во всём его фактическом составе и уяснить, какое место в биографии Пушкина или Грибоедова оно занимало и какое значение могло иметь. Гусарские шутки и питейные выходки Каверина — знаменитого собутыльника Евгения Онегина — достаточно «изучены» в литературе и ни в малейшей степени не интересуют нас. И шалости, и кутежи, и поездки в Шустер-клуб — всё это было. Нас интересует другое: находила ли в Каверине какое-то отражение вольнолюбивая атмосфера времени, мог ли он сам быть её носителем и, общаясь с Грибоедовым, быть каким-то её живым элементом, или не мог?

Л. Н. Майков замечает: «Очевидно, Пушкин не только повесничал с ним, но и вёл порою беседы о серьёзных предметах»⁵⁴. Это же можно сказать о близости Каверина и Грибоедова. Всмотримся в облик Каверина с этой стороны. Каверин — образованный человек, учился в Московском и Геттингенском университетах. Он — член иностранной масонской ложи Августа Золотого Циркуля, в которую вступил в Геттингене. Пушкинская «Ода на свободу» — на первом месте в тетради записей Каверина; есть и другие записи вольнодумных стихов. Вид крепостника, надсмотрщика, наблюдающего с плетью в руках за работой баб и девок на барщине, приводит Каверина в негодование. Он коллекционирует — и, очевидно, не лично для себя, а для сообщения другим и какого-то обсуждения — дикие объявления о продаже крепостных в газетах, например: «Отпускается в услужение повар 20 лет большого росту и продаётся жемчугу крупного ориентального шесть ниток и корова стельная». Одна из его поздних записей — на известную тему: «Где был дворянин, когда Адам пахал, а Ева пряла» (1841). Позже Каверин впал в ханжество, и его идеологический конец отличен от начала, но это не меняет существа начала. Упомянем, что через Каверина могла проходить в декабристский круг и новиковская традиция — воспоминания, рассказы о Новикове, может быть, и его произведения: отец Каверина — Павел Никитич, очевидно, связан восходящей линией родства с Никитой Ивановичем Кавериним, женатым на сестре Новикова. Декабристы рано приняли Каверина в свой круг — он член «Союза благоденствия» и участник московского съезда 1821 г. Добавим к общему его облику обаяние его личной храбрости — в формуляре Каверина значилось, например, что во время блокады Гамбурга (1814) он «имел от начальства разные поручения, с которыми был посылаем в самых опасностях и исполнял оные с точностью, неустрашимостью

и расторопностью». Дибич (в Турецкую кампанию) не раз делал Каверину выговоры за то, что тот без нужды подвергает жизнь свою опасности.

1
 Грибоедов
 Артамонов
 Муравьев
 Ока от Грибоедова, поступил в
 Бессурфее - Полицейскому с извест-
 дейней изъяснением сего Грив-
 обов. Сержант Муравьевский, и
 отсюда. Указан, что, тем
 Грибоедов. Предоставлен отсюда
 делится. Сержант Мурр. поступил
 к нему обидели поступил в
 на другое утро рано. Пришел
 рукою похвастаясь, и желая
 до обиды.
 (Сержант Мурр. поступил в
 на другое утро рано. Пришел
 рукою похвастаясь, и желая
 до обиды.)
 Обоим
 (Сержант Мурр. поступил в
 на другое утро рано. Пришел
 рукою похвастаясь, и желая
 до обиды.)
 Грибоедов
 (Сержант Мурр. поступил в
 на другое утро рано. Пришел
 рукою похвастаясь, и желая
 до обиды.)

СВОДКА ПОКАЗАНИЙ ДЕКАБРИСТОВ О ГРИБОЕДОВЕ,
 НАХОДЯЩАЯСЯ В ЕГО СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ

Центральный государственный архив древних актов, Москва

Добавим, что Каверин очень любил музыку, сам пел, вёл горячие споры о композиторах с сестрой своей Елизаветой Павловной. Сохранился даже рассказ о том, что во время разговора с Россини, с которым Каверин был лично знаком, именно он, Каверин, напел Россини одну музыкальную фразу русской песни, попавшую потом в оперу «Севильский цирюльник» (мотив: «Ах, на что было огород городить...»). В итоге скажем: конечно, дружба с Кавериным была у Грибоедова основана не только на попойках, актрисах, гусарских выходках и совместных посещениях Шустер-клуба. Очевидно, они общались и в

других плоскостях: атмосфера вольнолюбивого времени охватывала Каверина, он был также её носителем. Общие художественные интересы также, вероятно, объединяли друзей⁵⁵.

Несомненно и продолжение дружбы Грибоедова с Чаадаевым. Лейб-гвардии гусарский полк стоял в этот период в Царском Селе, что позволяло Чаадаеву постоянно бывать в Петербурге, а с 1817 г. Чаадаев стал адъютантом кн. Васильчикова и поселился в Петербурге (жил в Демутовом трактире)⁵⁶. Прекрасно осведомленный биограф П. Я. Чаадаева М. И. Жихарев говорит о «приязни и самой тесной короткости, которая установилась между Грибоедовым и Чаадаевым со студенческих лет».

Общий политический облик П. Я. Чаадаева того времени общеизвестен, поэтому нет нужды на нём останавливаться. Лучше всего характеризуют его обращённые к нему в эти годы (1817—1818) стихи Пушкина: надпись к его портрету («Всевышней волею небес...») и «Послание к Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»). Пушкин называл Чаадаева именем Брута — убийцы Цезаря и Перикла — главы афинской демократии; Пушкин хотел написать своё имя и имя Чаадаева «на обломках самовластья». Якушкин, Бурцов, Никита Муравьёв, Трубецкой и Оболенский показали на следствии, что Чаадаев был членом «Союза благоденствия»⁵⁷.

Надо думать, что в петербургский период не прерываются сношения Грибоедова и с близким товарищем его юных лет, И. Д. Якушкиным, активным организатором первого тайного общества декабристов — «Союза спасения», а до этого — членом семёновской офицерской артели, предшественницы тайного общества. Заметим, что среди различных версий о прототипе Чацкого имеется предположение о Якушкине⁵⁸.

Политические настроения Якушкина тех лет общеизвестны — популярность им придали его замечательные «Записки», один из ярких документов декабризма. «В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга, повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще», пишет Якушкин в «Записках» именно об изучаемом времени. Якушкин приходит к выводу, что «крепостное состояние — мерзость»⁵⁹. Его политические настроения привели его к предложению совершить цареубийство.

От Якушкина и Чаадаева легко перейти ко всему кругу семёновцев, знакомых с Грибоедовым, — к И. Щербатову, С. Трубецкому. Якушкин и живёт в Семёновских казармах вместе с Трубецким, как пишет в «Записках», и часто видится в это время с Никитой Муравьёвым⁶⁰.

Заговорив о Чаадаеве, нельзя не вспомнить и о его двоюродном брате Иване Дмитриевиче Щербатове, как раз в изучаемое нами время находившемся в Петербурге в составе лейб-гвардии Семёновского полка.

Не может быть сомнений в том, что Грибоедов не прерывал в Петербурге связи со своим старым московским знакомым, двоюродным братом своего лучшего друга. Вероятно, именно Чаадаев, Якушкин, Щербатов были живой связью Грибоедова с другими офицерами Семёновского полка, возмущение которого в 1820 г. явится столь значительным событием в общественной жизни страны. В январе 1819 г. в письме к петербургским друзьям Грибоедов шлёт привет «двум Толстым Семёновским». Щербатов, проделавший в составе Семёновского полка всю кампанию 1812 г., участник Бородинской битвы, участник заграничных походов 1813—1814 гг., побывавший в Париже, был, конечно, полон новых впечатлений и мыслей. Напомним, что его личные связи с Грибоедовым засвидетельствованы автографом писателя, сохранившимся в архиве Щербатовых. Безнадёжная любовь декабриста Якушкина к сестре Щербатова Наталье Дмитриевне, по мнению некоторых исследователей, могла послужить канвой для отношений Чацкого к Софии.

Отличавшийся, на взгляд своих товарищей-семёновцев, «беспокойным нравом», Щербатов хотя и не был декабристом, но пользовался их полным доверием. По словам Якушкина, он «знал многое» о тайном обществе, но «тайна была для него священна». Свидетельства об этой осведомлённости Щербатова мелькают и в переписке с ним Якушкина. Известно, что сочувственные слова Щербатова о Семёновском возмущении, подловленные правительством в его письме, и послужили основанием для тяжёлого приговора, который понёс этот друг декабристов в связи с Семёновским возмущением: «Нашему брату не нужно было отставать от благородной решимости сих необыкновенно расположенных, хотя некоторым образом и преступных людей». Щербатов был лишён чинов и дворянства, даже первоначально приговорён к телесному наказанию (оно было отменено) и сослан рядовым на Кавказ.

Все эти факты рисуют облик этого человека и его настроения во время общения с ним Грибоедова в изучаемое нами время⁶¹.

С. Трубецкой, один из основателей «Союза спасения» и член «Союза благоденствия», также принадлежит к числу близких знакомых Грибоедова в петербургский период. «Трубецкого целую от души», — пишет Грибоедов из Тифлиса в письме к Я. Н. Толстому и Н. В. Всеволожскому в январе 1819 г. Предположение о том, что тут идёт речь именно о Сергее Трубецком, подкрепляется тем, что письмо адресовано к его другу, Н. Всеволожскому. Рассматривая имена, упомянутые в этом письме, обращаем внимание, что перед нами — слагающийся круг будущей «Зелёной лампы»: тут имя Никиты Всеволожского, хозяина квартиры, где собиралось общество «Зелёной лампы» — побочной управы «Союза благоденствия». Тут имя будущего активного «лампи́ста» — Я. Толстого; С. Трубецкой также войдёт в состав «Зелёной лампы»⁶². Заметим, что С. Трубецкой — масон в той же ложе «Des amis réunis», к которой с 1816 г. принадлежал и Грибоедов.

Дружеские встречи с Трубецким продолжают и в более позднее время, что видно из позднейшей переписки Грибоедова с Бегичевым (1824)⁶³. Напомню, что Трубецкой посещал лекции в Московском уни-

верситете в годы ученья Грибоедова и мог быть с ним знаком ещё в студенческое время. В Петербурге же знакомство могло быть легко возобновлено через Якушкина и Чаадаева, сослуживцев его по лейб-гвардии Семёновскому полку, а также и через Кологривовых (московская Прасковья Юрьевна Кологривова — урождённая Трубецкая). Отметим попутно и более общие семейные связи, — приятельница детства и дальняя родственница Грибоедова А. И. Колечицкая записала, например, что познакомилась с П. А. Бестужевым «вчера у Тр[убецких]»⁶⁴. Поддерживается Грибоедовым в петербургский период дружеская близость и с Никитой Муравьёвым, университетским товарищем, одним из основателей и активнейших деятелей как «Союза спасения», так и «Союза благоденствия». Именно Никита Муравьёв принял в тайное общество ближайшего друга Грибоедова — Ст. Н. Бегичева. Датированное сентябрем 1817 г. письмо Грибоедова к Бегичеву, ушедшему с гвардией в Москву, содержит слова: «Поклонись Никите». Не сомневаюсь, что тут речь идёт о приятеле Бегичева Никите Муравьёве, который именно в эти же дни отправился с гвардией в Москву. Предположение, что тут имеется в виду Никита Всеволожский, не имеет доказательств, в частности, отсутствуют данные, что Никита Всеволожский был в это время в Москве. Никита же Муравьёв в это время был в Москве в составе гвардейского отряда.

Яков Николаевич Толстой — член «Союза благоденствия» и активный его участник, близкий в то же время к литературным кругам, сам писатель и хороший знакомый Пушкина, — в изучаемый период в числе «любезных приятелей» Грибоедова. «Усердный поклон любезным моим приятелям: Толстому, которому ещё буду писать, особенно из Тавриза, Никите Всеволожскому, коли они оба в Петербурге», — пишет Грибоедов из Тифлиса обоим названным лицам вместе от 27 января 1819 г.⁶⁵ Яков Толстой постоянно встречался с Грибоедовым, в частности на «чердаке» кн. Шаховского⁶⁶. В своей брошюре, посвящённой биографии Паскевича (изд. 1835 г.), Толстой вспоминает о Грибоедове, называя его «одним из ближайших друзей своих»⁶⁷. Никита Всеволожский хотя не числится формально членом «Союза благоденствия», однако находится с ним в ближайшей связи. Именно он в 1819 г. (когда Грибоедов уже уехал из Петербурга) становится учредителем литературного общества «Зелёная лампа», которое, согласно доносу Грибовского, является «побочной управой «Союза благоденствия». «Побочными» назывались управы, подготовлявшие новых членов для принятия в тайное общество, это был, так сказать, «приготовительный класс» тайной организации. «Зелёная лампа» не могла возникнуть внезапно — она подготовлялась, как организация, общением её членов в предыдущие годы, то-есть в то время, когда Грибоедов жил в Петербурге. Никита Всеволожский мог познакомиться с Грибоедовым на службе в Коллегии иностранных дел, где числился с 1816 г. Театрал-Грибоедов, наверно, часто заглядывал к своему знакомому после или до театральных представлений — это было «по пути»: Всеволожские жили «на Екатерингофском проспекте» — «напротив Большого театра» в Петербурге⁶⁸.

Секретно

Календари
Кавказская Индия
Корпуса
В Армии Грузии

25го Февраля 1826

Лит. С

216)

Начальнику Главного Штаба И. И. Дибичу
Его Императорского Величества
вместе с Готфриду Фернанде Сузо
Тинору и Кавказу Огарю Дибичу

Господина Воеводы. Кавказская
Кавказская Индия
Министерства волею взятъ под арестъ
судимца и пришедъ кавказскому атаману
Грибоедову иному преступителю бѣжалъ
въ С. Петербургъ иуданъ въ С. Удерепа-
порского Власти.

Кавказская Индия и Кавказская Индия
дому Г. Грибоедова въ Вишневой Губернии
и востану. Онъ взятъ на востану, что не
стать истребить востану и у него бумага, но
таковыя приказы не издается востану, на
кавказу, каковыя сего Г. Грибоедову востану. Дибичу
бы въ востану и востану востану востану,
и востану востану востану.

Въ востану востану востану востану
Губернии востану, что Г. Грибоедову во востану
судимца онъ въ востану востану востану востану
и востану востану востану востану востану
востану и востану востану востану востану
востану востану востану востану востану

ОТНОШЕНИЕ А. П. ЕРМОЛОВА К НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО ШТАБА И. И. ДИБИЧУ
СООБЩАЮЩЕЕ О ВЫПОЛНЕНИИ ПРИКАЗА ОБ АРЕСТЕ ГРИБОЕДОВА
Центральный государственный архив древних актов, Москва

Отношения с семьей Всеволожских продолжают у Грибоедова и позже. Во время приезда Грибоедова в Петербург «Никита, брат Александра Всеволожского», был в числе лиц, которые, как писал Грибоедов, «у него перед глазами». Александр Всеволожский вместе с Жандром провожали Грибоедова до Царского Села при его последнем отъезде в Персию⁶⁹.

Заговорив о круге Всеволожских, нельзя не вспомнить и упомянутого в письме к петербургским друзьям «*charmant capitain Fridrichs, très chauve et très spirituel*. Его надо сблизить с бароном Александром Ивановичем Фредериксом (Фридериксом), позже полковником Кинбурнского драгунского полка, знакомым С. Трубецкого и А. Ф. фон-дер-Бриггена, членом «Союза благоденствия»⁷⁰.

Друг Пушкина, Вильгельм Карлович Кюхельбекер, мог познакомиться с Грибоедовым также по общей службе в Коллегии иностранных дел, куда Грибоедов был зачислен 9 июня 1817 г. Оба были одновременно приведены к присяге, — об этом сохранился документ, датированный 15 июня: подписи под указом Петра I о неразглашении служебных тайн следуют в таком порядке: Грибоедов, Н. А. Корсаков, В. К. Кюхельбекер, кн. А. М. Горчаков, С. Г. Ломоносов, А. С. Пушкин⁷¹. Таким образом, этот же документ свидетельствует и о знакомстве Грибоедова с Пушкиным. Но возможно, что первая встреча Грибоедова и Кюхельбекера относится к ещё более раннему времени, если принять во внимание свидетельство Н. Греча, что впервые оба будущих друга встретились именно у него, причём Грибоедов с первого взгляда принял Кюхельбекера за сумасшедшего⁷². Греч познакомился с Грибоедовым тотчас по приезде последнего в Петербург, когда тот был ещё военным, — т.-е. до отставки Грибоедова с военной службы. О раннем знакомстве Грибоедова и Греча свидетельствует и Ф. Булгарин⁷³. Особо подружились Кюхельбекер и Грибоедов в Тифлисе в 1821—1822 гг. Кюхельбекер позже пишет, что Грибоедов ему «более, чем друг», называет его «единственный мой Грибоедов»⁷⁴. Но и в петербургский период отношения между ними были истинно дружеские и тёплые. Хорошо осведомлённый о раннем периоде жизни Грибоедова Т. А. Сосновский пишет именно о первом их знакомстве: «Кюхельбекер всей душой полюбил Грибоедова и благоговел перед ним»⁷⁵.

О близости первого, ещё петербургского знакомства свидетельствует и факт переписки уехавшего на Восток Грибоедова со старшей сестрой Кюхельбекера, Юстиной Карловной Глинкой, которая была очень дружна с братом, всю жизнь заботясь о нём и помогая ему. (Кюхельбекер называл Юстину Карловну своей «второй матерью») ⁷⁶. Факт переписки засвидетельствован письмом Грибоедова к ней из Тифлиса 26 января 1823 г.⁷⁷ С Кюхельбекером было легко сразу и быстро сдружиться, — сам Грибоедов в упомянутом письме отмечает, что Вильгельм «*se livre à tout venant avec un abandon de franchise*»⁷⁸.

Кюхельбекер не является членом «Союза благоденствия», но он иным путём тесно связан с историей тайного общества, входя в состав

организованной офицерами Генерального штаба в 1815 г. «священной артели», предшественницы «Союза спасения», одной из важнейших преддекабристских организаций⁷⁹.

И. Пущин стал посещать «священную артель» ещё в лицейском мундире, — не он ли втянул туда и Кюхельбекера? Ранние вольнодумческие настроения последнего общеизвестны. Кюхельбекер ещё на лицейской скамье был, по собственному признанию, «в первом десятке» лицейстов, наиболее преуспевающих в политических науках. «Лицейский словарь», воспетый Пушкиным («Наш словарь»), составлен Кюхельбекером, — это один из замечательных памятников лицейского вольнодумства, отмеченный сильным влиянием передовой политической мысли и просветительной философии. Кюхельбекер показал на следствии, что по выпуске из Лицея он «повторял и говорил то, что тогда повторяла и говорила сплошь вся почти молодёжь (и не только молодёжь)». По возвращении из Парижа Кюхельбекер возобновил свои связи с «недовольными» и будто бы вновь приобрёл язык либералов, «от которого было отвык», — следовательно, ранее он был к нему привычен. В 1817 г. Кюхельбекер одновременно со службой в Коллегии иностранных дел «находился старшим учителем русского и латинского языков в пансионе, учреждённом при Педагогическом институте», как показывает он на следствии. Очевидно, Кюхельбекер и представлял собою одного из тех упражнявшихся «в расколах и безверьи» профессоров Педагогического института, которых так боялась княгиня Тугоуховская. Кстати сказать, Кюхельбекер с 1818 г. — масон⁸⁰.

Общается в это время Грибоедов и со старым знакомым по Московскому университету — Якубовичем, будущим участником событий 14 декабря. Якубович — секундант Завадовского в известной дуэли с Шереметевым, в которой замешан и Грибоедов (1817). П. Каховский, учившийся в Москве в одни годы с Грибоедовым, очевидно, не прерывал с ним сношений и в петербургский период. Он был осведомлён, как передаёт Завалишин, даже в интимной стороне жизни Грибоедова в эти годы, так как упрекал его «в глаза» в «волокительстве»⁸¹. Каховский вступит в тайное общество позже изучаемого нами времени, но он ещё со студенческих дней был задет вольнодумными веяниями, и поэтому общение с ним, как и с другими декабристами, — живая связь с настроениями передовой молодежи, в среде которой формируется тайное общество. Та характеристика России и недостатков её государственного строя, которую дал Каховский в крепости, будучи под арестом, говорит о длительной критической работе просвещённой мысли, давно направленной на соответствующие темы. Человек, который ещё в детстве был «воспламенён» героями древности, естественно, оказался и в изучаемые нами годы характерным представителем передовой среды. Заметим, что вопрос об общении с ним Грибоедова в эти годы должен быть несколько ограничен хронологически: в декабре 1816 г. Каховский был разжалован в рядовые, переведён из гвардии в армию и затем сослан на Кавказ, — этим моментом ограничивается время возможного общения с ним Грибоедова.

Надо думать, что в этот период — хотя и менее длительное время, чем с другими, — общался Грибоедов и со своим московским приятелем Артамоном Муравьёвым. Он вернулся из-за границы в составе кавалергардского полка; 18 октября 1814 г. кавалергарды вошли в свои казармы, — тут Артамон Муравьёв должен был встретиться и с Бегичевым. К концу октября (22 окт. ст. ст., т. е. 3 ноября н. ст.) относится записка Лунина к «наилюбезнейшему моему сердцу другу и братцу» Артамону Муравьёву, его однополчанину, написанная в тамбовском имении, которая свидетельствует, что в это время и Артамон Муравьёв находится в Тамбовской губернии⁸². В июле 1815 г. Артамон Муравьёв был назначен адъютантом к генерал-адъютанту графу де-Ламберту и уехал вместе с ним во Францию, где был прикомандирован к оккупационному корпусу Воронцова, в котором провёл около двух лет. Вернулся Артамон из Франции вместе с графом Ламбертом в 1817 г. По данным следственного дела, он находится в среде членов тайного общества и вызывается на царевубийство в 1817 г. в Москве. Таким образом, остаётся лишь зима 1814/15 г. в Петербурге, весна 1815 г. и часть лета того же года, когда Грибоедов может общаться со своим старым приятелем, участником Дрезденского, Кульмского, Лейпцигского сражений, побывавшего в боях под Парижем, жившего во французской столице.

Приведём характерную выписку из дела Артамона Муравьёва, где он излагает историю своей службы:

«Вступил в службу я в 1811-м году в свиту Е. И. В. по квартирмейстерской части, по экзамену произведён того же года в прапорщики и отправлен в Молдавскую Армию, где находился при главнокомандующем князе Кутузове и адмирале Чичагове, при коем и был во всю кампанию в России. Когда же фельдмаршал князь Барклай де Толли в 1813-м году вступив в командование Дунайской армии, то при ём остался во всю конпанию 13-го и 14-го годов и был во всех делах. За всякие Парижа переведён в кавалергардский полк, с коим служба во фронте возвратился в Россию в 1815, и из оног назначен на походе в Вильну того же года адъютантом к графу Ламберту, прикомандирован был к корпусу во Франции и был до 1817-го года, в котором году возвратился и явился к своему генералу в Тамбов, в 1818-м вступил паки во фронт, и до самого моего назначения полковым командиром Ахтырского гусарского полка из полка не выходил»⁸³.

Не вполне точно указан тут лишь 1815 год, как дата возврата из-за границы: это — год второго гвардейского похода, когда кавалергарды, как указывалось, дошли только до Вильны; не упомянута также Москва, куда в 1817 г. явился Артамон Муравьёв во время пребывания там гвардии. В Париже энергичный и весёлый Артамон Муравьёв ходил не только в увеселительные места, но слушал лекции в университете, посещал клиники (он интересовался медициной). Он был полон заграничных впечатлений. Если из вторичного путешествия за границу Артамон вернулся ранее возврата всего оккупационного корпуса и в 1817 г. уже был в России, то он имел возможность и тогда в течение какого-то

срока перед отъездом Грибоедова на Восток (август 1818 г.) общаться с ним.

Нельзя не остановиться на вопросе о возможности встреч Грибоедова с Пестелем в петербургский период. «Не известно ли вам, когда и кем был принят в члены тайного общества коллежский ассессор Грибоедов?» — запрашивал следственный комитет Пестеля. «О принадлежности коллежского ассессора Грибоедова к тайному обществу не слышал я никогда ни от кого и сам вовсе его не знаю», — категорически ответил Пестель⁸⁴. Казалось бы, после этого можно положительно

„11го февраля 1826го года“

Секретно

Шлю сего доносить ва-
шему Высокопревосходитель-
ству, что сего числа приве-
зены для Крѣпости Грознаго
Кашевский Ассессор Грибо-
едовъ, которой и отправленъ
къ Генералу Адъютанту
Валуцкому для содержа-
нія подъ Арестомъ на Глав-
ной Камерѣ.

Генералъ Адъютантъ Потаповъ

ДОНЕСЕНИЕ ГЕНЕРАЛА-АДЪЮТАНТА ПОТАПОВА О ПРИВОЗЕ АРЕСТОВАННОГО ГРИБОЕДОВА В ПЕТЕРБУРГ И О ЗАКЛЮЧЕНИИ ЕГО ПОД АРЕСТ НА ГЛАВНОЙ ГАУПТВАХТЕ

Центральный государственный архив древних актов, Москва

утверждать, что Пестель и Грибоедов знакомы не были. Однако имеются факты, заставляющие вернуться к вопросу. Пестель и Грибоедов состояли в Петербурге членами одной масонской ложи «Des amis géu-
pis», и предположение, что братья-масоны, объединённые в одной ложе, не знакомы друг с другом, крайне неправдоподобно. Грибоедов состоит в списке действительных членов ложи за 1816 г., и, поскольку он обозначен в нем 1-й (т. е. младшей) степенью, можно думать, что и принятие его в ложу относится к этому же году. В этом же списке значатся имена Пестеля и Чаадаева, причём оба отнесены к 5-й — высшей — степени масонства. Новый член мог быть принят в ложу, как известно, только с согласия старых. Пестель — старый член этой ложи, он вступил в нее в начале 1812 г. или в самом конце 1811 г. 6 фев-

раля 1817 г. Пестель переходит в ложу «Трёх добродетелей», а Грибоедов 13 января 1817 г. подписал в качестве одного из учредителей акт ложи «Du Bien». Таким образом, во всяком случае в течение 1816 г. Пестель мог общаться с Грибоедовым-масоном в те же периоды, когда, во время своих наездов в Петербург, принимал общеизвестное участие в делах тайного общества. Отметим, что в той же ложе «Соединённых друзей» были членами следующие декабристы: кн. Павел Петрович Лопухин, кн. С. Г. Волконский, Илья Долгорукий («осторожный Илья», по выражению X песни «Евгения Онегина»), Сергей Трубецкой, Фёдор Петрович Шаховской и Матвей Иванович Муравьёв-Апостол. Таким образом, допустимо предположение о знакомстве Грибоедова и с этими декабристами, список которых (с присоединением имён Пестеля и Никиты Муравьёва) даёт, собственно, почти всю основную группу учредителей «Союза спасения»⁸⁵.

В том же 1816 г., когда Грибоедов мог познакомиться с названными декабристами, Никита Муравьёв познакомился с Пестелем и сблизил его с Александром Муравьёвым, инициатором тайной организации. Для полноты картины добавим, что и старый друг детства Грибоедова — Вл. Ив. Лыкошин — вступил в эту же масонскую ложу «Des amis réunis» ещё перед походом 1812 г.⁸⁶

Общается ли Грибоедов в первый петербургский период с Николаем Тургеневым, с которым в одни годы учился в Московском университете? Об этом не сохранилось никаких указаний ни в переписке Грибоедова, ни в дневниках Тургенева. Однако это обстоятельство ещё не является решающим для отрицательного ответа. Переписка Грибоедова за эти годы дошла до нас далеко не полностью — она крайне фрагментарна: за всё интересующее нас четырёхлетие с 1814 (лето) — по 1818 (август) дошло до нас только девять писем Грибоедова и ни одного к нему. Дневник же Тургенева своеобразен: он менее всего является регистрацией событий, а более всего — дневником слагающегося мировоззрения. Как незначительны и редки, например, упоминания Н. Тургенева о Пушкине: мы совершенно не могли бы восстановить его влияние на Пушкина, общепризнанное в пушкинской литературе, если бы руководствовались только дневником. За возможность встреч и общений Грибоедова с Тургеневым в интересующий нас петербургский период говорит, например, старая дружеская близость их обоих с П. Кавериним. Знакомство Н. Тургенева с П. Кавериним началось ещё на скамье Московского университета. Н. Тургенев закрепил свою дружбу с Кавериним в Геттингене, где они оба учились. Страницы заграничного дневника Н. Тургенева полны самых жарких излияний по адресу Каверина. «...в дружбе Каверина уверился [я] только за последние минуты моего с ним житья. Эта любезная душа сделалась мне дороже моей собственной, и если бы узы родства не увеличивали чувств дружбы, то любовь моя к нему равнялась бы любви к моим друзьям-братьям. Каверин, Каверин!» Или: «Никто на свете не любил так чужого человека как я люблю этого непонятого Каверина»... «Брат и Каверин по сию пору не выходят у меня из головы». Со временем:

страстность юношеской дружбы утихла, Каверин порою и «надоедал» Тургеневу, но отношения знакомства не прерывались, общение с ним оставалось простым и привычным. Грибоедов знаком с двоюродным братом Николая Тургенева — Борисом Петровичем Тургеневым, который также обучался в годы его учения в Московском университетском пансионе. Письмо Грибоедова из Тифлиса от 27 января 1819 г. свидетельствует о том, что он общался с Борисом Тургеневым именно в петербургский период: он посылает «усердный поклон любезным моим приятелям» и в перечислении имён упоминает: «...Тургеневу Борису»⁸⁷. Греч в своих «Записках» говорит, что его дом посещал «цвет умной молодёжи» и в перечислении имён указывает Грибоедова и Тургеневых, а дом Греча, как уже говорилось, Грибоедов стал посещать сразу, как только приехал в Петербург.

Начало знакомства Грибоедова с декабристом Бестужевым-Рюминым также может или быть давним московским (Бестужев-Рюмин воспитывался в Москве, брал уроки у тех же профессоров Мерзлякова и Цветаева) или же восходить к петербургскому периоду. Во время своего пребывания в 1825 г. в Киеве Грибоедов встречается с Бестужевым-Рюминым, как со старым знакомым, — они не знакомятся вновь, но уже знакомы ранее, что явствует из всего контекста киевской встречи. Не исключена возможность, что знакомство Грибоедова с Бестужевым произошло через тот же кавалергардский полк, где служил Бегицев. Длительность этого общения могла, в таком случае, быть очень недолгой: в деле Бестужева-Рюмина имеется следующее его показание: «В бытность гвардии в Москве в 1818 г., выдержав экзамен, я вступил в Кавалергардский полк; из оного перешёл в Семёновский за несколько месяцев до возмущения»⁸⁸. Это соответствует и формуляру Бестужева-Рюмина, согласно которому он вступил юнкером в кавалергардский полк 13 июня 1818 г. Другой связью Грибоедова с Бестужевым мог быть Чаадаев. В Петербурге Бестужев-Рюмин познакомился с Чаадаевым и, видимо, пользовался его расположением. «Почитая Вас столь же хорошо расположенным ко мне, как это было во время моего пребывания в Петербурге, чему Вы мне дали столько доказательств...», — так начинает Бестужев-Рюмин своё письмо к Чаадаеву из Кременчуга после вынужденного своего отъезда в армию в результате восстания Семёновского полка⁸⁹. Отпуска были штрафным семёновцам запрещены, поэтому Бестужев-Рюмин не мог видеть Грибоедова во время его второго петербургского периода в 1824—1825 гг., следовательно, знакомство их было более ранним.

Близость Грибоедова с Чаадаевым не может не поставить вопроса о связях Грибоедова с кругом Раевских и с Михаилом Орловым. С Раевскими Грибоедов учился в одно время и мог быть знаком по Москве. Семья Раевских — дружественная Чаадаеву семья, в частности, он дружен с Екатериной Раевской (будущей женой Мих. Орлова). Михаил Орлов — также старый приятель Чаадаева. Младший Раевский Николай, гусар с 1814 г., стоит с гусарским полком в Царском Селе и в 1816—1817 гг. знакомится с Пушкиным именно у Чаадаева.

Михаил Орлов в изучаемый период также длительное время живёт в Петербурге: зиму и весну 1815/16 г. он, правда, проводит в Париже, лето 1816 г. — на водах и в Париже, но в Петербург он возвращается в ноябре 1816 г., а в следующем, 1817 году активно участвует в «Арзамасе»⁹⁰. В 1827 г. Грибоедов выдается с Н. Н. Раевским в Закавказье, во время Эриванского похода, как со старым знакомым. Летом 1825 г. в Крыму Грибоедов виделся также со «старым знакомым» Мих. Орловым⁹¹.

Есть ещё один декабристский круг, общение с которым Грибоедова более чем правдоподобно. Это — круг, в котором вращается его друг С. Н. Бегичев. Тут, прежде всего, необходимо упомянуть несколько имён, родственных Бегичеву по Кологривовым; с родственниками этими Бегичев, вероятно, возобновил связи сейчас же, как оказался в Петербурге, где линия Андрея Семёновича Кологривова имела по близости своей ко двору прочную оседлость. Эти родственные связи Бегичева, вероятно, и восстановили знакомство с Мухановыми: двоюродный брат декабриста Муханова, Сергей Николаевич Муханов, был сыном Николая Ильича Муханова от первого его брака с Анной Сергеевной Кологривовой. Отец декабриста Петра Александровича Муханова, Александр Ильич Муханов, — родной брат упомянутого Николая Ильича. Муханов учился в Московском университете в годы ученья Грибоедова. Связи с Мухановыми, повидимому, имели место ещё до петербургского периода, так как Сергей Николаевич Муханов поступил на службу юнкером в кавалерийские резервы (под начальство А. С. Кологривова) 28 марта 1814 г., числясь по тому же кавалергардскому полку, где служил и Бегичев. Эта линия Мухановых, подобно Кологривову, владела богатыми имениями в Тамбовской губернии. П. Муханов — член «Союза благоденствия», выдающаяся фигура в истории декабризма, человек яркой личности и большой воли, хорошо осведомлённый в делах тайного общества. Грибоедов был с ним дружен. «...Мухановы и сотни других лиц все у меня перед глазами», — пишет Грибоедов Бегичеву о своём оживлённом времяпровождении в Петербурге летом 1824 г. (письмо от 10 июня). Завалишин пишет, что наблюдения Грибоедова в Киеве и в Крыму (1825), относящиеся к русской истории, сделаны были по просьбе Муханова⁹².

Сохранившееся в библиотеке Зимнего дворца письмо А. Бестужева в Москву к Павлу Александровичу Муханову (лето 1825 г.), служившему с ним в одном полку, свидетельствует, повидимому, о старинном знакомстве Мухановых с семьёй Грибоедовых: Бестужев шлёт через П. А. Муханова привет сестре и матери Грибоедова: «Скажи, не получаешь ли ты писем от Грибоедовых? если да, что о не? — Когда же писать к ним станешь, не забудь примолвить и обо мне словечко. Я часто о них вспоминаю»⁹³.

Вообще кологривовские связи характерны для Грибоедова в этот период. В переписке почти отсутствуют указания на встречи с грибоедовскими родственниками — видимо, этот круг был более чужд для Грибоедова, он не тянулся к своим обширным родственным связям. Он

ДЕКАБРИСТ КНЯзь
С. П. ТРУБЕЦКОЙ

Акварель Н. Бестужева, 1830-е гг.

Собрание И. С. Зильберштейна,
Москва

даже не посетил Москвы после заключения мирного договора (1814), не повидался с домашними. Вместе с тем, сведения о Кологривовых и встречах с ними не раз мелькают на страницах переписки. Бегичевская родня в какой-то мере оказалась ближе своей. В декабре 1816 г. в Петербурге в отсутствие Бегичева Грибоедов оживлённо обсуждает в кругу Кологривовых вопрос о перспективах военной службы своего друга, заполняет передачей мнений Кологривовых и своими возражениями почти всё письмо (от 5 декабря 1816 г.); проводив друга в Москву в августе 1817 г., он шлёт «усердный привет» его спутникам — Кологривову и «даже Поливанову — скамароху» (также родственник Бегичева) (письмо от 4 сентября 1817 г.); в сентябре 1818 г. он шлёт другу вести об Алексее Семёновиче Кологривове, а следующее письмо пишет Бегичеву, сидя в гостях у его брата, и сообщает, как наиболее интересную новость, что виделся с Андреем Семёновичем Кологривовым (письма от 5 и 9 сентября 1818 г.). Отправляясь на Восток, Грибоедов «в Туле справлялся об Яблочковых [родственники Бегичева М. Н.], посылал к Варваре Ивановне Кологривовой» (письмо от 18 сентября 1818 г. из Воронежа); в июне 1825 г. в Киевской лавре Грибоедов встречает Д. А. Кологривову, говорит с нею о сестре Бегичева. Такие частые связи с кологривовским кругом идут навстречу предположению, что Грибоедов должен был знать и декабристов из этого круга. Это предположение относится, например, к члену «Союза благоденствия» Александру Александровичу Челищеву, брату жены Андрея Семёновича Кологривова, участнику Отечественной войны и гвардейцу (в апреле 1814 г. переведён в лейб-гвардии егерский полк. в котором состоял до 1822 г.). О членстве Челищева в «Союзе благо-

денствия» показал Никита Муравьев, столь близко знакомый и с Грибоедовым и с Бегичевым. Хотя Челищев и отстал от тайного общества после московского съезда 1821 г., но столь хорошо осведомленный декабрист, как кн. Е. Оболенский, допускал, что Челищев, наряду с Ростовцевым и другими, знал, что общество не закрыто, а продолжает свои действия (как известно, это предположение относительно Ростовцева оказалось совершенно справедливым)⁹⁴. По тайному обществу Челищев входил в особую управу лейб-гвардии егерского полка, имевшую регулярные заседания. Никита Муравьев в одном из своих показаний даёт понять, что Горский и Челищев стояли во главе гвардейской егерской управы «Союза благоденствия».

Укажем далее на двоюродного брата Бегичева — декабриста Александра Лукича Кологривова, сына Луки Семёновича Кологривова (брата генерала-от-кавалерии Андрея Семёновича Кологривова). Александр Лукич Кологривов был принят в Северное общество в 1825 г., и от участия в восстании 14 декабря его спасло, повидимому, то обстоятельство, что он был в это время в Москве. Туда вызвало его из Петербурга известие о внезапной кончине его дяди, известного уже нам генерала-от-кавалерии Андрея Семёновича Кологривова, начальника Грибоедова по кавалерийским резервам. К дяде племянник питал самые тёплые чувства — в своих показаниях на следствии он называет его «единственным своим благодетелем». Арест Кологривова сопровождался записочкой Николая I: «Посадить на гауптвахту под строгий арест». На гауптвахте мест уже не было, и царский приказ выполнен не был, — Кологривова посадили в крепость, где он просидел шесть месяцев. Принятый в южную ячейку Петербурга, Кологривов значился на следствии членом Южного общества⁹⁵.

Полагаю, что письмо Грибоедова к Бегичеву от 4 сентября 1817 г. прямым образом свидетельствует о знакомстве писателя с Александром Лукичем Кологривовым. Грибоедов только что проводил до Ижор кавалергардов, в военном строю ушедших в поход из Петербурга в Москву. Он вспоминает о расставании с Бегичевым и его товарищами-кавалергардами: «Усердный поклон твоим спутникам... Кологривову и даже Поливанову-скамароху». В Академическом издании сочинений Грибоедова фамилия «Кологривов» никак не комментирована⁹⁶. Между тем, есть все основания предположить, что это именно Александр Лукич Кологривов, двоюродный брат Бегичева, сын тверского губернатора, вступивший в кавалергардский полк вскоре после Бегичева — 13 декабря 1814 г.⁹⁷ В момент похода гвардии в Москву он — штабс-ротмистр кавалергардского полка. Поход гвардии совершался осенью 1817 г. вполне организованно, в военном строю, и отъезд Бегичева вовсе не был его личной поездкой в Москву в каком-нибудь тарантасе с произвольно выбранными спутниками. В данном случае это было именно выступление кавалергардов. В соответствии с этим находятся и слова Каверина, которые Грибоедов передаёт в том же сентябрьском письме: «Что? Бегичев уехал? Пошёл с кавалергардами в Москву?».

Показание о том, что А. Л. Кологривов — член тайного общества, дали декабристы С. Трубецкой, ротмистр Чернышов, корнет Свистунов, Васильчиков, Горожанский, Анненков. Сознался в членстве и сам Кологривов. Он был осведомлён о конституционной цели общества и вообще о том, что «сие общество имело намерения противу правительства и государя»⁹⁸. Известно было Кологривову и о Пестеле, а также о существовании Южного общества. На вопрос о том, что побудило его вступить в тайное общество, Кологривов кратко ответил: «Безрассудность!»⁹⁹ Корнет Васильчиков счёл нужным приехать к Кологривову 21 декабря (тот находился в Москве) и предупредить о начавшихся арестах: «Приехал ко мне наш же офицер корнет Васильчиков сказать, что корнета Свистунова в ночь взяла полиция и отправила в Петербург», показывает Кологривов на следствии. Любопытно, что Кологривов, хотя и был в Москве (подвергся аресту только 23 декабря 1825 г.), ухитрился не присягнуть Николаю I, якобы дожидаясь возвращения в полк. На деле стоит надпись, сделанная, вероятно, членом следственного комитета Чернышовым: «Чин полковника усугубляет его вину»¹⁰⁰.

В этом же письме, где так живо описано прощание Грибоедова с уходящими в московский поход кавалергардами, фигурирует только что упомянутый некий Поливанов, один из спутников кавалергарда Бегичева. Прощание Грибоедова с этим Поливановым в Ижорах было особенно бурным. Почти через месяц после прощания Грибоедов пишет Бегичеву: «Прежде всего, прошу Поливанову сказать свинью. Он до того меня исковеркал, что я на другой день не мог владеть руками, а спины вовсе не чувствовал. Вот каково водиться с буйными юношами. Как не вспомнить псаломлевец «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых»...» Письмо кончается просьбой передать «усердный поклон» всем спутникам «и даже Поливанову-скамароуху». Комментатор Академического собрания сочинений Грибоедова повторяет ошибку Н. В. Шаломытова, полагая, что Поливанов, чуть не задушивший Грибоедова в своих объятиях, — это офицер лейб-гвардии Павловского полка Михаил Матвеевич Поливанов, позже сделавший ряд примечаний к рассказам А. А. Жандра, записанным Д. А. Смирновым. По видимому, именно последнее обстоятельство — наличие примечаний — и послужило «основанием» поставить имя Михаила Матвеевича на место искомого Поливанова. Неправильность этого предположения бросается в глаза: лейб-гвардии Павловский полк — пехота, а кавалергарды — кавалерия, те и другие при всём желании, не могли идти во время похода в общем военном строю. Гвардейская пехота, в том числе и батальон павловцев, в составе которого находился Михаил Матвеевич Поливанов, выступила в поход из Петербурга в Москву 5 августа 1817 г., а кавалерия, — в том числе кавалергарды, а с ними Бегичев и прочие, — 14 августа, через 11 дней. Батальонный адъютант Павловского полка М. М. Поливанов находился при своём батальоне, — таким образом устанавливается его безусловное *alibi* при прощании Грибоедова с кавалергардами в Ижорах 14 августа¹⁰¹.

Искомого Поливанова можно найти лишь среди кавалергардов. Кандидатов два: это или будущий декабрист Иван Юрьевич Поливанов, или его младший брат Александр Юрьевич (не декабрист) — оба в тот момент корнеты кавалергардского полка. Надо думать, что через Бегичева (Поливановы — его родственники) Грибоедов был знаком с обоими. Иван Юрьевич Поливанов короткое время учился в 1810 г., одновременно с Грибоедовым, в Москве (Грибоедов в университете, Поливанов в Университетском пансионе), и не исключена возможность, что именно там они могли впервые увидеть друг друга. По-настоящему знакомство могло начаться только в петербургский период. И. Ю. Поливанов (кстати сказать, — масон) был уже тогда затронут вольнодумством; на следствии он показывает, между прочим, что среди вольнодумных стихов, которые на него повлияли, была «Ода на свободу», то-есть «Вольность», Пушкина — произведение 1817 г. Участвовал он и в вольнодумных разговорах: «Я истинно говорю, что по неудовольствиям, изъявленным в обыкновенных разговорах моих на правительство, я подал повод думать, что могу быть склонен вступить в тайное общество». Поливанов был принят в члены тайного общества в 1824 г. в Петербурге не кем иным, как Пестелем, — он представляет собой любопытный пример члена организованной в северной столице ячейки Южного общества, в которой Пестель рассчитывал видеть опору для своего влияния в Северном обществе. Программа, сообщённая Пестелем Поливанову при его приёме, была республиканской. Выйдя в том же году в отставку, Поливанов отдалился от общества. Поскольку он знал и о республиканских замыслах и об умысле на царевубийство, верховный суд присудил его к лишению чинов и дворянства и ссылке на каторжные работы на два года. Но приговор не был приведён в исполнение, так как Поливанов в Петропавловской крепости заболел «сильными нервическими судорожными припадками», был отправлен в госпиталь, где и умер в сентябре 1826 г. В это время его жене, Анне Ивановне Власьевой (в доме у Власьевых бывал Пестель), было всего 19 лет; во время суда над мужем она «будучи беременна, теряла от печали рассудок»¹⁰².

Упомянем далее Фёдора Фёдоровича Гагарина, сына известной Прасковьи Юрьевны Кологривовой (прототип Татьяны Юрьевны в «Горе от ума»), по первому браку Гагариной. Ф. Ф. Гагарин был членом тайного общества, вступив в него в 1817 г., т. е. как раз в интересующий нас период. Он был принят декабристом Фонвизиним в Москве в так называемое Военное общество, бывшее посредствующим звеном между «Союзом спасения» и «Союзом благоденствия». Участник Отечественной войны (адъютант Багратиона) и заграничных походов, много раз отличавшийся в боях, Гагарин лично знал Якушкина, Артамона Муравьёва, С. Трубецкого, Перовских. В столичных кругах он был широко известен как дуэлист, игрок и неистощимый выдумщик всяческих проказ¹⁰³.

Принятый в тайное общество в 1817 г., Бегичев не был совершенно бездеятелен: он принял в общество нового члена — декабриста Васи-

лия Петровича Ивашева¹⁰⁴, позже участника Южного общества, друга Пестеля. Ивашев — также кавалергард, товарищ Бегичева по полку. Естественно предположить, что и Грибоедов мог быть знаком с тем, кого его закадычный друг С. Н. Бегичев знал настолько хорошо, что счёл позже возможным принять в тайное общество. Ивашев произведён в корнеты кавалергардского полка из пажей в феврале 1815 г.¹⁰⁵ По возрасту он на полтора года моложе Грибоедова. При первом знакомстве с новым кавалергардом Бегичева могло заинтересовать и то обстоятельство, что он учился в том же Пажеском корпусе, где ранее учился сам Бегичев. Правдоподобно и предположение о старом знакомстве семьи Ивашевых с семьёю Поливановых, родственников Бегичева: отец декабриста, генерал-майор Юрий Игнатьевич Поливанов, был сподвижником Суворова при Рымнике, а Пётр Никифорович Ивашев в течение восьми лет был начальником штаба Суворова и пользовался таким доверием великого полководца, что тот даже вручил ему на хранение свои записки. Таким образом, знакомство Бегичева с Ивашевым или было давним, семейного происхождения, или восходившим к 1815 г., ко времени вступления Ивашева в кавалергардский полк. По старым правилам, каждый новый офицер полка был в обязательном порядке представляем всему прежнему офицерскому составу, и предположение, что новый офицер-кавалергард мог бы остаться незнаком кавалергарду Бегичеву, совершенно неправдоподобно. Ивашеву, по несчастной случайности, не пришлось участвовать во втором походе кавалергардов, вызванном Ста днями Наполеона. При самом выступлении полка в поход под Ивашевым взбесилась лошадь; он упал, сломал себе руку и вынужден был остаться. Несчастье было тем чувстви-

ДЕКАБРИСТ НИКИТА МУРАВЬЁВ
Акварель Н. Бестужева, 1830-е гг.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

тельнее, что Ивашев был прекрасным пианистом. Тревога за руку, обида, что не попал в поход, — всё это делало его несчастье особо чувствительным. Едва ли добрый и душевный человек Бегичев мог остаться равнодушным к такому полковому происшествию. Вплоть до июня 1819 г., когда Ивашев получил назначение адъютантом к Витгенштейну, он постоянно живёт в Петербурге, и момент его местопребывания не исключает вопроса о знакомстве с Грибоедовым. Добавим, что весь облик юноши (Ивашев на полтора года младше Грибоедова) не мог не заинтересовать будущего автора «Горя от ума». Ивашев — одарённый пианист, один из любимых учеников Фильда. Французское стихотворение декабриста Бяратинского «*Épître à Ivachev*» чудесно передаёт характер виртуозной игры Ивашева на рояле. Кроме того, Ивашев — поэт, поклонник Лафонтена и его переводчик на русский язык.

O, toi, de La Fontaine aimable traducteur,
Sais-tu que d'Apollon tu surpris la faveur?
Lui-même il lut tes vers à sa grande ombre émue
(Car au Parnasse enfin, toute langue est connue).* 106

писал Бяратинский Ивашеву в том же стихотворном послании. Ещё в Пажеском корпусе Ивашев «занимался довольно словесностью»¹⁰⁷; продолжал он эти занятия потом и в Сибирской ссылке, где написал поэму «Стенька Разин». Политические настроения Ивашева, по крайней мере в 1819—1821 гг., были самыми решительными и пылкими. Об этом говорит его дружба с Пестелем и радикальная позиция в Южной управе «Союза благоденствия», занятая во время бурных собраний по докладу полковника Бурцова, прибывшего с московского съезда 1821 г. Бурцов настаивал на ликвидации тайного общества, Пестель и его товарищи, среди которых был и Ивашев, не признали решение съезда правильным и объявили общество «продолжающимся». Так было основано Южное общество декабристов, принявшее тактику военной революции и республиканскую программу. Позже Ивашев охладил к обществу и несколько отстал от него, но в интересующее нас время он был иных настроений¹⁰⁸.

Когда в июне 1819 г. Ивашев отправился из Петербурга в Тульчин, к месту нового назначения, Бегичев дал ему письмо к И. Г. Бурцову, рекомендуемое нового заговорщика старым членам южной организации. По этому письму Бегичева Ивашев был незамедлительно по прибытии принят в Тульчинскую управу «Союза благоденствия». Факт этот показателен, по крайней мере, в двух отношениях: во-первых, он характеризует довольно широкую осведомлённость Бегичева в делах тайного общества, — Бегичев знает о наличии организаций тайного общества на юге и передаёт туда принятого им Ивашева; во-вторых, этот факт

* Перевод Ф. Сологуба.

Как мило Лафонтен тобой переведен...
... Сам Аполлон
Читал твои стихи. Они ему приятны.
.....

непреложно свидетельствует о знакомстве Бегичева с Бурцовым, что последний отрицает на следствии. Таким образом, предположение об общении Грибоедова в петербургский период также и с Бурцовым получает серьёзные основания. Он учился в Москве в одни годы с Грибоедовым, числясь по Университетскому благородному пансиону. Допустимо, поэтому, и предположение, что именно Грибоедов познакомил Бегичева с Бурцовым. Приведённый выше факт отсылки письма доказывает, что знакомство было возобновлено: Бурцов с 1814 г., после возвращения с полком из-за границы, жил в Петербурге, вновь отлучился на короткое время в связи с походом 1815 г., а затем постоянно проживал в столице, служа в гвардейском генеральном штабе. Он покинул Петербург лишь весной 1819 г. (вероятно, в мае)¹⁰⁹, когда уехал в Тульчин. Бурцов — крупный деятель ранних декабристских организаций. Он участник «Священной артели» Александра Муравьёва, его приглашают вступить в «Союз спасения». Он активный деятель «Союза благоденствия» — в Петербурге в 1818 г. была управа Бурцова¹¹⁰. При характеристике деятельности тайного общества не раз упоминался Бурцов.

Бегичев познакомил Ивашева с прапорщиком гвардейского генерального штаба Алексеем Алексеевичем Олениным, членом «Союза благоденствия». Сам Бегичев был с ним знаком едва ли не через Бурцова, сослуживца Оленина по генеральному штабу. Этот факт вводит новое имя в круг предположений о декабристских знакомствах Грибоедова. А. А. Оленин — младший сын президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки Алексея Николаевича Оленина. Молодой Оленин, так же как и Бегичев, — воспитанник Пажеского корпуса (но много моложе Бегичева — Оленин родился в 1798 г.). В Пушкинской литературе многократно упоминается о доме Олениных; их широкий круг знакомств и радушное гостеприимство описаны Вигелем. По свидетельству последнего, дом Олениных — открытый дом (куда сам Вигель вхож с ноября 1814 г.). В доме Олениных бывал декабрист Бестужев-Рюмин. Бывал в этом доме и Грибоедов, о чём свидетельствует В. А. Сологуб: Грибоедов в гостях у Олениных — это впечатление детских лет Сологуба; он связывает этот дом с Грибоедовым «с тех пор, как себя помнит». Владимир Андреевич Сологуб родился в 1814 г., и впечатления самого раннего детства должны быть относимы к первому петербургскому периоду. Оленины, кстати говоря, — смоленские помещики. Мать декабриста Каховского, Настасья Михайловна, — урождённая Оленина, а декабрист Повало-Швейковский (оба — из смоленских дворян) — её двоюродный брат. Таким образом, знакомство с ними Грибоедова могло бы восходить и к давним временам, соединяясь с его смоленскими связями¹¹¹.

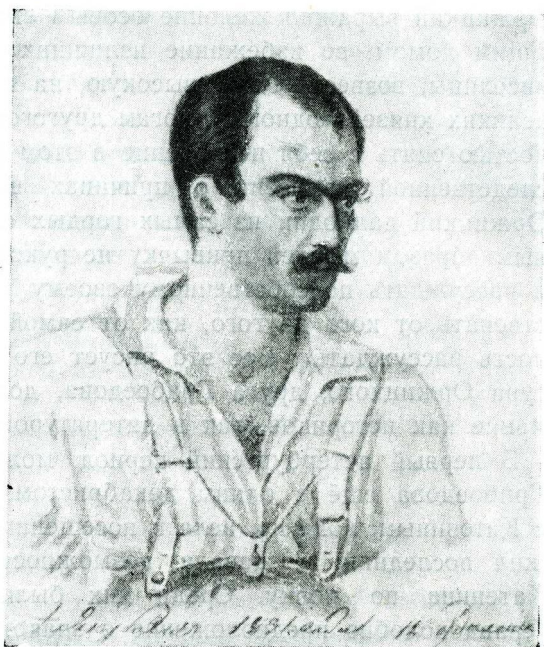
Предположения о круге декабристских знакомств Грибоедова в этот период были бы неполны без упоминания имени Фёдора Глинки. Адъютант графа Милорадовича, участник заграничных походов, он с февраля 1816 г. был зачислен в лейб-гвардии Измайловский полк, и в изучаемое время местом его жительства являлся Петербург. Знаком-

ство Грибоедова с Фёдором Глинкой несомненно, но документальные его подтверждения относятся к более позднему времени, нежели интересующий нас петербургский период. Глинка бывал у Рылеева на «русских завтраках» вместе с Грибоедовым; 15 декабря 1824 г. Грибоедова приняли в члены Общества любителей русской словесности, председателем которого был Глинка. Эти свидетельства не противоречат предположению, что с вездесущим адъютантом Милорадовича Глинкой, которого знал буквально весь Петербург, Грибоедов мог познакомиться и в интересующие нас годы. Доказательства возможности этого таковы. Во-первых, вся семья Глинок очень тесно связана с Кюхельбекером: двоюродный брат декабриста Ф. Н. Глинка, Григорий Андреевич Глинка, женат на старшей сестре Кюхельбекера; заметим, что его брат Владимир Андреевич — кузен Глинка — сам является членом «Союза благоденствия». Фёдор Глинка ещё в лице снабжает Кюхельбекера книгами — так, в 1815 г. посылает ему в лицей свои «Письма русского офицера». Кроме того, Глинка хорошо знаком с И. Ф. Паскевичем, который в 1817 г. женился на двоюродной сестре Грибоедова Елизавете Фёдоровне. (Заметим попутно, что Глинка во время показаний на следствии говорит, что близко знаком и с «генеральшей Ахвердовой».) Грибоедов легко мог встретить Фёдора Глинку и в окружении своего приятеля Кюхельбекера. Это делает не лишённым оснований предположение знакомства в первый петербургский период¹¹².

Известно, что Грибоедов был знаком с декабристом Николаем Николаевичем Оржицким и встречался с ним в Крыму летом или ранней осенью 1825 г. Данных о дате начального знакомства у нас нет. Встреча в Крыму свидетельствует, очевидно, о близком знакомстве и обоюдном доверии: Грибоедов и Оржицкий говорили, повидимому, на острые политические темы, вспоминали об общих друзьях — Рылееве и А. Бестужеве. Первого именно в этой связи Грибоедов просил обнять «искренне, по республикански». Зимой 1824/25 г., когда Грибоедов в Петербурге, Оржицкий — сам литератор — тесно вплетён в литературно-декабристский круг. Николай Муханов писал своему брату Александру от 10 марта 1825 г.: «Кланяйся от меня Бестужеву и благодари, что познакомил меня с Оржевским — весьма милым и достойным человеком». Грибоедов в эту зиму иногда обедал у Оржицкого; именно у него за обедом шёл однажды разговор о том, что прототипом князя Григория в «Горе от ума» считают П. А. Вяземского, — Грибоедов смеялся по этому поводу. Оржицкий показал на следствии, что близко знаком с Рылеевым. В числе предположений о времени начального знакомства Грибоедова с Оржицким первый петербургский период не может быть исключён. Оржицкий — гусар из того же гусарского полка, в котором был и Чаадаев («Ахтырского гусарского полка поручик»), участник заграничных походов. Грибоедовы были, как известно, в родстве с Разумовскими, а Оржицкий (побочный сын Разумовского) оказался наследником Петра Кирилловича Разумовского и получил от него огромное состояние. (Количество денег и денежных документов, найденных у него при аресте, удивило следственный коми-

ДЕКАБРИСТ А. И. ЯКУБОВИЧ
Аквапель Н. Бестужева, 1831 г.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

тет, который запросил его об этом и попутно выяснил указанное выше обстоятельство.) Не могли ли быть Грибоедов и Оржицкий издавна знакомы по родству с Разумовскими? Общие политические настроения, гусарская среда, Чаадаев и литературные интересы самого Оржицкого (его стихи печатались в то время в журналах) могли скрепить их знакомство и в ранний петербургский период. Документальные данные пока не дают отводов этому предположению¹¹³.

Политические настроения Оржицкого чрезвычайно интересны. Он, собственно, не был формально принят в тайное общество, но чрезвычайно много знал и пользовался большим доверием декабристов. Следственное дело об Оржицком оставляет впечатление о нём, как о гордом, смелом и прямодушном человеке. О существовании тайного общества Оржицкий узнал в начале 1824 г. от Александра Бестужева. Мы застаём его у Рылеева не только накануне дня восстания, когда Рылеев занят непрерывными совещаниями о близком выступлении, но, — что особенно интересно, — и вечером 14 декабря, после разгрома восстания, на последнем собрании Северного общества. Рылеев на этом совещании поручает Оржицкому ехать гонцом к Южному обществу, во 2-ю армию и передать Сергею Муравьёву-Апостолу, «что Трубецкой и Якубович изменили». Оржицкий обещал поехать. Кроме того, он дал слово Рылееву перед восстанием не оставить его семейство в случае неудачи. На следствии Оржицкий показал, что не донес правительству о заговоре, гнушаясь именем доносчика: «Мысль носить на себе постыдное имя предателя была причиною, побудившею меня умолчать перед правительством о бывшем мне известном заговоре». Следствие напало на следы одного криминального разговора, в котором

Оржицкий выражал желание особым способом расправиться с царствующим домом: во избежание излишних хлопот и затрат на многие виселицы, возвести одну высокую, на которой повесить царя и всех великих князей «одного к ногам другого». Оржицкому не удалось полностью снять с себя подозрение в этом разговоре. На обычный вопрос следственной комиссии о причинах вольнодумного образа мыслей Оржицкий дал один из самых гордых ответов: «Понимая под свободным образом мыслей привычку не руководствоваться мнением других, а рассуждать по собственному своему рассудку, не мог я оный заимствовать от кого другого, как от самой природы, давшей мне способность рассуждать». Все это рисует его политические настроения. Фигура Оржицкого, друга Грибоедова, должна остановить на себе внимание как историков, так и литературоведов¹¹⁴.

В первый петербургский период можно предположить знакомство Грибоедова ещё с одним декабристом. Близкая дружба Грибоедова с Катениным, конечно, вела к посещению Преображенских казарм, где жил последний, и давала возможность знакомства с товарищами Катенина по полку. Среди них были и члены тайного общества. Правдоподобно предположение о знакомстве Грибоедова с Д. П. Зыковым. Это — близкий приятель Катенина, живший с Катениным на одном этаже, — друг к другу они постоянно переходят «по галлерее». Живя в тесном офицерском казарменном быту, они встречаются повседневно. Постоянный посетитель Катенина легко может встретиться с его товарищем. Зыков в 1823 г. был принят в Северное общество, знал цели его — освобождение крестьян и установление конституционного правления. После выхода его в отставку сношения с обществом прекратились, и дальнейшего участия в его делах он не принимал. Зыков с юношеских лет тяготеет к литературной работе, ему принадлежит один из ранних разборов пушкинской поэмы «Руслан и Людмила». По характеристике Катенина — это «умный молодой человек, страстный к учению», который, «несмотря на мелкие военного ремесла заботы, успел ознакомиться почти со всеми древними и новыми европейскими языками, известными по изящным произведениям». Эта характеристика подтверждена и показаниями декабристов на следствии. Е. Оболенский показывает о Зыкове: «Его знания были более литературные и в особенности относились к древней поэзии: зная греческой, латинской, итальянской, английской, немецкой и французской языки, его беседа вообще была более литературная, нежели политическая». У Зыкова и Грибоедова — такого же полиглота — могло найтись немало общих литературных интересов. Но и политические взгляды Зыкова, несомненно, относились к типу вольнодумческих: знавший его лично в петербургский период А. В. Поджио относил Зыкова к разряду «свободомыслящих людей». Камер-юнкер Голицын показал, что в разговорах с Зыковым «касались мы иногда до политических современных происшествий». Сам Зыков признаётся в вольнодумном образе мыслей на допросе следственного комитета: «Определить, с которого именно времени я заимствовал свободный образ мыс-

лей и откуда, я почитаю невозможным. Образ мыслей составляется и меняется постоянным и неприметным образом, и я никак не могу отдать отчёта, кто более имел на него влияния: общество ли или книги, которые я читал»¹¹⁵.

Зыков был восторженным поклонником Пушкина, и в его руках в 1818—1819 гг. было даже целое рукописное «собрание сочинений» Пушкина, откуда он списал понравившиеся ему вольнодумные стихи. «Объясните, с каким намерением имели вы у себя найденные в числе бумаг ваших стихи под заглавием: *ч у в с т в а р у с с к о г о*, начинающиеся так:

Когда увидим мы свободу золотую,
Друзья, в отечестве своем?

Далее:

России долго быть под скипетром железным
И долго тяжкие оковы ей влечь.

И пр.

Равным образом скажите, кто именно сочинитель сих стихов?» — запрашивал Зыкова А. Бенкендорф.

«Стихи сии были выписаны мною из рукописного собрания сочинений А. Пушкина, если я не ошибаюсь, лет семь или восемь тому назад. Быв девятнадцатилетним юношей, или лучше сказать ребёнком, я увлекался примером, восхищался тем, чем другие восхищались, желал знать, что все знают, и переписывал стихи Пушкина, которые мне попадались, единственно из подражания и без всякого дурного намерения»¹¹⁶, — отвечал Зыков. Это свидетельство прекрасно передаёт атмосферу времени около 1817—1819 гг.: повышенный интерес к политической тематике, всеобщее восхищение вольнодумными стихами в среде молодёжи, жадную тягу к политической поэзии, возникновение целых рукописных «собраний сочинений» такого рода. Попутно мы обогащаемся ценными сведениями о политических настроениях одного из первых русских критиков «Руслана и Людмилы». Интересно отметить, что Зыков сильно увлекался поэзией Катенина и заступался в литературных спорах за её художественные достоинства. А. Бестужев встретился с Зыковым примерно в 1817—1818 гг., «и потому только его помню, что он горячо спорил со мною за сочинения Катенина, над которыми я подшучивал»¹¹⁷. Предположение, что неразлучный в эти годы с Катениным Грибоедов, очевидно, постоянный посетитель Преображенских казарм, мог быть незнаком с таким близким приятелем и почитателем Катенина, как Д. П. Зыков, обитатель тех же казарм, — представляется неправдоподобным. Гораздо правдоподобнее обратное предположение. Заметим, что Зыков числился в Преображенском полку с 8 февраля 1815 г., — следовательно, период предположительного знакомства с ним Грибоедова в петербургские годы мог быть довольно длинным¹¹⁸.

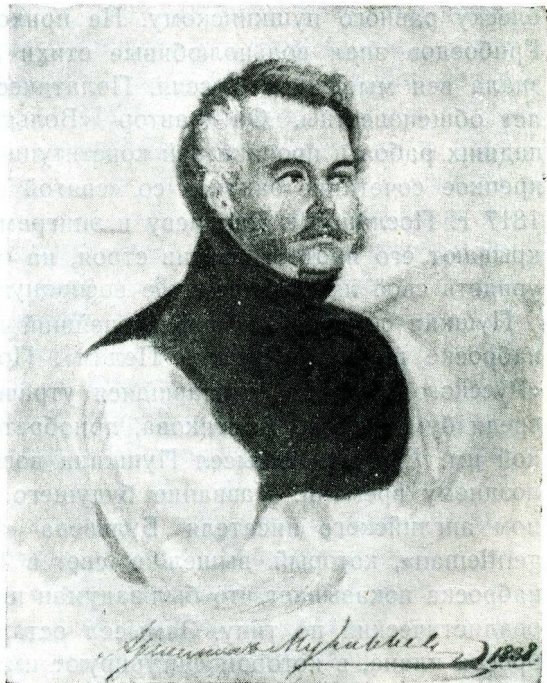
Крупный деятель «Союза благоденствия», Степан Михайлович Семёнов, учившийся одновременно с Грибоедовым в Московском университете, был другом Фёдора Глинки и жил с ним в Петербурге на одной квартире. Поэтому в предположениях о возможных связях Грибоедова с членами тайного общества в этот период надо иметь в виду и упомя-

нутаго декабриста. Со вторым Семёновым — Петром Николаевичем, автором «Митюхи Валдайского», Грибоедов также мог встречаться у Всеволожских, в дом которых П. Н. Семёнов был вхож¹¹⁹.

Не исключена возможность петербургских встреч Грибоедова и с учившимися с ним одновременно в Московском университете братьями Львом и Василием Перовскими, а также с Алексеем Васильевичем Семёновым, поскольку в интересующее нас время они живут в Петербурге и возвращаются в тех же кругах.

Нельзя не упомянуть имени ещё одного чрезвычайно яркого человека декабристских настроений из окружения Грибоедова в это время. В следственном материале по делу о дуэли Шереметева — Завадовского мы встречаем имя барона Александра Строганова, адъютанта генерал-от-артиллерии Меллер-Закомельского. По материалам следствия видно, что Александр Строганов — из компании Грибоедова — Завадовского; он хорошо осведомлён о дуэли, — об этом свидетельствовал на следствии Якубович. Речь идёт о бароне (с 1826 г. — графе) Александре Григорьевиче Строганове, сослуживце Катенина по Преображенскому полку, сверстнике Грибоедова (он родился также в 1795 г.). Это сын Григория Александровича Строганова, русского посла в Мадриде (1805—1810), а затем в Константинополе. А. Г. Строганов рос в атмосфере повышенных патриотических настроений, учился в том же корпусе инженеров путей сообщения, где учились Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы, участвовал в заграничных походах 1813—1814 гг., был в сражениях под Дрезденом и под Кульмом, вступил с русскими войсками в Париж в 1814 г. Человек широкого образования, владевший несколькими европейскими языками, А. Строганов отличался разносторонними интересами. Он умножил богатую отцовскую библиотеку, в составе которой мы находим прекрасный подбор изданий Великой французской революции. Он не побоялся обнаружить свои декабристские настроения сейчас же после восстания, в 1826 г., когда Николай I послал его (в качестве своего флигель-адъютанта) на Урал для расследования рабочих волнений на Кыштымских заводах. Великолепная его записка о положении крепостных людей на заводах и о причинах волнений, поданная императору, дышит декабристской ненавистью к крепостному праву. В этом красочном, подчас художественном документе автор осмеливается употреблять по отношению к угнетению рабочих такие слова, как «самовластие», «тиранство», и дерзко сравнивает положение закрепощённых рабов с положением африканских негров и каторжников. Рабочих «здесь можно смело сравнить по скудным платам за работы с каторжными, а по изнурениям — с неграми африканских берегов». Впрочем, Строганов далее находит, что положение каторжников лучше — правительство всё же отпускает на них большие суммы, нежели фабрикант на рабочих. Строганов подчёркнуто замечает человека в крепостном рабочем, и мысль о человеческом достоинстве и о равенстве одного человека другому — основная предпосылка записки. Екатеринбургский уездный суд осудил приказчика, убившего рабочего, — «какая неимоверная деятельность и неслыханное в Перм-

ской губернии правосудие! — иронизирует Строганов. — Но сколько прежде подобных случаев сокрыто было под общим наименованием скоропостижной смерти?» Есть ещё один замечательный документ, характеризующий политические и социальные идеи молодого графа: это — одна из записей в «Разговорах Гёте» Бидермана, зарегистрированная составителем, как разговор «mit dem russischen Graf S.», и отнесённая им к промежутку «между 1825 и 1832 годом». С. Н. Дурылину удалось установить в своей работе «Русские люди у Гёте в Веймаре», что «Graf S.» — не кто иной, как тот же Александр Григорьевич Строганов. Собеседник Гёте рисуется как сильный, самостоятельно мыслящий человек, проникнутый передовыми идеями времени, отрицательно относящийся к «олимпийству» Гёте. Последний дарит своего собеседника исключительным вниманием, приглашает к себе вечером в гости, ведёт с ним долгую уединённую беседу во время утренней прогулки. Мы узнаём из записи Бидермана, что Строганов называет свой высокий графский титул — даром «случайного счастья», полученным им без всяких личных заслуг. «Русская деспотия со всеми её тонкостями была предметом их (т. е. Гёте и его знакомых, на вечере. — М. Н.) распросов...». Собеседники Строганова предполагали встретить в нём защитника крепостничества, и даже вначале, как говорит А. Строганов, в споре «я фигурировал превратно понимаемый чужеземцами в качестве защитника ненавистного крепостного строя». Итак, мы видим, что крепостное право «ненавистно» графу Строганову. Узнаём мы и о том, что граф Строганов близок с лордом Байроном, самым гордым и вольнолюбивым поэтом тогдашней Западной Европы, — он сдружился с ним в Венеции. Как указывает С. Н. Дурылин, Байрон жил в Венеции

ДЕКАБРИСТ АРТАМОН МУРАВЬЁВ
Акварель Н. Бесгужева, 1838 г.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

с некоторыми перерывами с ноября 1816 г. до мая 1819 г. Возможно, следовательно, что встречи с Байроном произошли в такое время, которое позволило Строганову передать впечатления о встрече со знаменитым писателем и своим петербургским знакомым. Общение Грибоедова со Строгановым, как видим, могло доставлять много впечатлений. Это был круг тех же социальных и политических вопросов, которые тогда волновали декабристов¹²⁰.

Общеизвестно знакомство Грибоедова с Пушкиным. Значение этого знакомства для нашей темы трудно переоценить. Оно возникло именно в эту пору. «Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году», — пишет Пушкин в «Путешествии в Арзрум». Он встречался с Грибоедовым и по службе (выше приведена их подпись под общей присягой) в Коллегии иностранных дел, и в театре, завсегдатаями которого были оба, и у многочисленных общих знакомых. Связью могли служить Катенин и Кюхельбекер. Катенин ввёл Пушкина на вечера А. Шаховского, завсегдатаем которых был Грибоедов. Между ними не возникло глубокой, сердечной дружбы того типа, например, которая связывала Грибоедова с Кюхельбекером. Но справедливость требует сказать, что никто не заглянул в душу Грибоедова так глубоко, как Пушкин, и ни у одного мемуариста нет характеристики Грибоедова за эти годы, равной по глубине пушкинской характеристике. Современник пишет: «Пушкин, с первой встречи с Грибоедовым, по достоинству оценил его светлый ум и дарования, понял его характер... Никого не шадивший для красного словца, Пушкин никогда не затрогивал Грибоедова». В «Путешествии в Арзрум» Грибоедов для Пушкина — это «наш Грибоедов». Пушкин слушал музыку Грибоедова, Пушкин оставил в числе своих зарисовок его портрет. Никто не оставил разбора «Горя от ума», по блеску равного пушкинскому. Не приходится сомневаться в том, что Грибоедов знал вольнолюбивые стихи Пушкина, которые в рукописи знала вся мыслящая Россия. Политические настроения Пушкина этих лет общеизвестны. Он — автор «Вольности», призывающей восстать падших рабов и проникнутой конституционно-монархическими идеалами; крепкое сочетание законов со «святой вольностью» — лозунг Пушкина 1817 г. Послание к Чаадаеву и эпиграммы на Аракчеева глубоко раскрывают его протест против строя, на обломках которого он хотел бы увидеть своё имя, написанное воспрянувшей ото сна Россией¹²¹.

Пушкин оставил нам интереснейший документ о Грибоедове в своём наброске романа «Русский Пелам». Подлинная пушкинская рукопись «Русского Пелама», считавшаяся утраченной, найдена в Ульяновске среди бумаг П. В. Анненкова, приобретённых в мае 1931 г. Библиотекой им. Ленина. Замысел Пушкина восходит к 1825 г. или к более позднему времени. Название будущего романа стоит в связи с романом английского писателя Бульвера «Pelham or the adventures of a gentleman», который вышел в свет в 1825 г. Изучение пушкинского наброска показывает, что был задуман широкий социальный роман, ярко реалистический по типу. Замысел остался неосуществлённым, но набросок плана, в котором фигурируют имя Грибоедова и дуэль Шереме-

тева с Завадовским, — драгоценный документ о грибоедовском окружении изучаемого времени. Соответствующая часть пушкинского текста (из отдела «Характеры») такова: «... — Кн. Шаховск[ой], Ежова — Истомина. Гриб[оедов] Завад[овский] — Дом Всеволожских — Котляревский — Мордвинов, его общество — Хрущов — О б щ е с т в о у м н ы х — (И[лья] Долг[орукий], С. Труб[ецкой], Ник[ита] Мур[авьёв]) etc. ...»¹²². Здесь Грибоедов упомянут в системе, по меньшей мере, четырёх общественных объединений того времени. Сначала идёт «чердак» драматурга Шаховского с его возлюбленной Ежовой и постоянной посетительницей Истоминой; затем — круг слагающейся «Зелёной лампы» — дом Всеволожских, притягательный центр для вольнодумной литературной молодёжи. Далее — круг Мордвиновых. Затем — слагающийся декабристский круг — «общество умных» с выразительными именами. Нельзя не обратить внимания на очень интересный по своим политическим настроениям круг Н. С. Мордвинова, автора ряда реформаторских проектов, человека, ярко отмеченного известной политической оппозиционностью, близкого к Сперанскому. Этот круг стоит в непосредственной близости к имени Грибоедова, после дома Всеволожских. В переписке Грибоедова мы находим доказательства большой близости Грибоедова к дому Мордвиновых. В 1825 г. он собирается из Петербурга двинуться на Восток: кончается его «отпуск», он вновь направляется к Ермолову. Рассчитывал он ехать вместе с сенатором Аркадием Алексеевичем Столыпиным, зятем Н. С. Мордвинова. Внезапная смерть Столыпина задержала Грибоедова: он не может сразу уехать ещё и потому, что не решается в тяжёлый момент бросить вдову Столыпина, «ангела, а не женщину», которая «одно утешение находит быть со мною». Грибоедов хочет дождаться хотя бы момента, когда её со всем семейством отец Н. С. Мордвинов перевезёт к себе на дачу. «Я весь день, вероятно, проведу у Мордвиновых,» — замечает Грибоедов в том же письме (от 18 мая 1825 г.)¹²³. Могла ли возникнуть такая близость Грибоедова с Мордвиновым лишь в эту же зиму 1824/25 г., которую он проводил в Петербурге после длительного отсутствия? Едва ли. Проводить в доме время с утра до вечера, не отлучаться от телько-что овдовевшей дочери Мордвинова, утешать её и делать это совершенно свободно, — для этого надо быть старым знакомым, издавна вхожим в дом по семейным связям. Если это так, то надо отнести знакомство с домом Мордвиновых ещё к первому петербургскому периоду. Пушкинский текст — косвенное доказательство того же; он весь по тематике своей восходит к Петербургу 1817—1818 гг. Отметим, что все три упомянутых имени — М. М. Сперанский, Н. С. Мордвинов и А. А. Столыпин — прочились декабристами в кандидаты Временного верховного правления.

Общая печать оппозиционности отмечает всю семью Столыпиных: Александр I ещё в 1824 г. отмечает другого Столыпина — Дмитрия Алексеевича, как одного из самых основных представителей «пагубного духа вольномыслия». В собственноручной записке императора значится: «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит

или, по крайней мере, сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам общества или клубы, которые имеют притом серьёзных миссионеров для распространения своей партии. Ермолов, Раевский, Киселёв, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров...»¹²⁴

Любопытен и контекст одного из упоминаний Грибоедова о запрещённой книге Пуквиля, посвящённой Греции. В письме к Бегичеву (июль 1824 г.) из Петербурга Грибоедов пишет: «Пуквиля не мог ещё достать, запрещён; есть он у Столыпина и Дашкова, но, разумеется, они не продадут». У Столыпина Грибоедов читал «Горе от ума»¹²⁵.

Добавим, что в первый петербургский период Грибоедов знаком уже со своим родственником — тогда ещё очень юным А. И. Одоевским.

Мы далеко не исчерпали предположений о возможных декабристских связях Грибоедова в петербургский период 1814—1818 гг. Нет сомнений, что дальнейшие исследования уточнят и расширят этот круг.¹²⁶ Но и перечисленных имён вполне достаточно, чтобы понять, что Грибоедов был именно в том кругу, в той идейной атмосфере, в которой вызревал сначала самый замысел организовать тайное общество, а затем и возникли обе ранние декабристские организации — «Союз спасения» и «Союз благоденствия». Замечательно, что можно не обинуясь говорить именно о живой, тысячью взаимных связей переплётной среде, об общей идейной атмосфере. Грибоедов знаком не с отдельными единицами, одиночками, не связанными друг с другом, а с теснейшей дружеской средой. Все его знакомцы знакомы между собою, имеют друг к другу тысячи дел, постоянно общаются. Стоит только коснуться документального материала, чтобы выяснилась эта сторона дела. Характерно и продление этих связей далеко позже изучаемого периода. Офицерские артели, «Союз спасения», «Союз благоденствия» — организации, концентрирующие вокруг себя передовую молодёжь, тысячами нитей связанную с более широкой общественной средой своего времени. С. Трубецкой и Никита Муравьёв — в числе основателей «Союза спасения». Те же Никита Муравьёв, С. Трубецкой и Михаил Муравьёв — составители устава «Союза благоденствия», — «Зелёной книги»¹²⁷. Для Пушкина П. Я. Чаадаев — ближайший, любимейший, старший друг и товарищ, с которым он связан высоким доверием и непоколебимой дружбой. Какой-то портфель с бумагами Щербатова хранится у Екатерины Фёдоровны Муравьёвой — матери декабриста. Бегичев знакомит Ивашева с Никитой Муравьёвым и Олениным. В московском доме у Бегичева бывает в гостях Кюхельбекер. Лунин — троюродный брат Артамона Муравьёва. Чаадаев близко знаком с Кавериним. Катенин и Грибоедов пеняют Пушкину за его эпиграмму на Колосову. Грибоедов прозвал Пушкина «мартышкой». Чаадаев близко знаком с Николаем Тургеневым, Никитой Муравьёвым, Олениным, С. Трубецким. Грибоедов сообщил М. Глинке музыкальную тему грузинской песни, на которую Пушкин пишет слова романса «Не пой, красавица, при мне».

ДЕКАБРИСТ П. А. МУХАНОВ
Акварель Н. Бестужева, 1830-е гг.

Собрание И. С. Зильберштейна,
Москва

Екатерина Раевская пересылает своему брату Александру текст «Горя от ума». Бегичев останавливается в Москве в доме Муханова. В «Мнемосине» Кюхельбекера печатаются Пушкин, Грибоедов, Одоевский. Катенин — старый приятель Никиты Муравьева. В статье Пушкина о Катенине сочувственно упоминается статья Грибоедова. «Вчера у меня Катенин пил чай и был Матюша. Мы в один вечер успели перебрать всю словесность — от самого потопа до наших дней и истребили почти всех писателей», — пишет Никита Муравьев матери. Бегичев знакомит Ивашева с Никитою Муравьевым. Чаадаев в дружеском письме называет себя «учеником» Якушкина. Якушкин в письме к Щербатову обнимает Чаадаевых, Муравьевых и С. Трубецкого. Якушкин знакомится с Пушкиным у Чаадаева. В. Кюхельбекер — знакомый Катенина, он даже однажды поссорился с ним во время товарищеской пирушки, когда Катенин не ему первому налил бокал... И. Ю. Поливанов знаком с Никитой Муравьевым, С. Трубецким, Михайлой Орловым. Перечень подобных фактов можно продолжать до бесконечности. Грибоедов жил и действовал в определённой среде тесно связанных друг с другом людей, в широком смысле слова политических единомышленников¹²⁸.

Общение Грибоедова с декабристским кругом развивается, в сущности, непрерывно: даже когда гвардия ушла в поход в Москву и основное ядро членов тайного общества также передвинулось в Москву, в Петербурге оставались или туда наезжали отдельные связанные с этим кругом лица: известно, что после отбытия в Москву гвардии в Петербурге был И. Д. Якушкин, наезжал П. И. Пестель, был некоторое время С. Трубецкой, письмо которого в Москву с политическими новостями

взволновало членов «Союза спасения» и явилось одной из причин «Московского заговора 1817 г.»; был в это время в Петербурге и Пушкин и Николай Тургенев; оставался в Петербурге Каверин и, конечно, Жандр. Между Петербургом и Москвой шла оживлённая переписка¹²⁹.

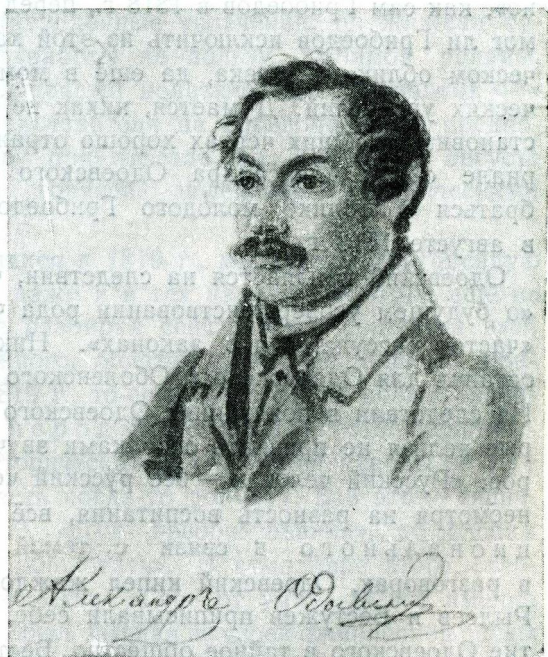
Неизвестно, знал ли Грибоедов о существовании тайного общества в первый петербургский период своей жизни. Однако надо иметь в виду, что В. К. Кюхельбекер, знакомый с ним в 1817—1818 гг., об обществе знал; на следствии Кюхельбекер показал: «Слышал я также мельком в 1817-м или 1818-м году, не помню от кого, о существовании какого-то тайного общества в Москве». Пушкин уже в начале 1818 г. не только догадывался о тайном обществе, но был убеждён в его существовании, как ни старался его друг И. И. Пущин (в тот момент ещё член «Союза спасения») его в этом разубедить. «Верно это ваше общество в сборе?» — шепнул Пушкин Пущину у Тургенева на одном из собраний по поводу предполагавшегося издания журнала «Россиянин XIX века». «Зелёная книга» (устав «Союза благоденствия») была привезена Бегичевым, очевидно, в ту же комнату, где жил Грибоедов. Утверждать положительно, что Грибоедов ничего не знал и не подозревал в тот период о тайном обществе, мы не можем¹³⁰.

Мы перечислили и характеризовали широкий круг декабристов и их друзей, с которыми Грибоедов общался в петербургский период со среды 1814 г. по август 1818 г., период, столь важный в истории создания «Горя от ума». С некоторыми из них общение в данный период устанавливается прямым образом, на основе документальных данных. Общение с другими предположительно, но и в этом случае не голословно, а основано на существенных доводах. Среди этого тесно связанного дружеского круга есть имена крупнейших и второстепенных членов тайного общества, есть имена тех, кто станет членом тайного общества в будущем, есть имена их друзей и единомышленников. Общие итоги таковы: всего мы насчитали не менее 45 имён декабристов, их единомышленников и близких друзей, составляющих общий круг декабристских связей Грибоедова в первый петербургский период. Из этих знакомств писателя 27 можно признать бесспорными (С. Н. Бегичев, П. А. Катенин, А. А. Жандр, В. С. Миклашевич, П. П. Каверин, П. Я. Чаадаев, И. Д. Щербатов, И. Д. Якушкин, С. П. Трубецкой, Никита М. Муравьёв, А. С. Пушкин, В. К. Кюхельбекер, А. И. Фредерикс, Никита Всеволожский, Я. Н. Толстой, А. И. Яковович, Артамон Муравьёв, Николай Раевский, Мих. Ф. Орлов, П. П. Муханов, А. А. Челищев, А. Л. Кологривов, И. Ю. Поливанов, Ф. Ф. Гагарин, В. П. Ивашев, А. А. Оленин, А. Г. Строганов, — не считаю А. И. Одоевского). 10 знакомств остаются в области правдоподобных предположений (П. И. Пестель, П. П. Лопухин, С. Г. Волконский, Илья Долгорукий, Фёд. Шаховской, М. П. Бестужев-Рюмин, Матвей Муравьёв-Апостол, Н. Н. Оржицкий, Д. П. Зыков, Ф. Н. Глинка); 8 имен (И. Г. Бурцов, Николай Тургенев, П. Г. Жаховский, Степан Семёнов, Алексей Семёнов, Петр Семёнов, братья Лев и Василий Перовские) являются именами лиц, учившихся

в одно время с Грибоедовым в Московском университете или Университетском пансионе; они находятся в Петербурге в указанные годы и возвращаются в тех же самых кругах, что и Грибоедов; но общение Грибоедова с ними именно в это время остаётся предположительным. Таким образом, имен, связи с которыми предположительны, в нашем перечне — 17. Но нет сомнений, что ряд связей остаётся ещё нераскрытым, — искать их можно по линии Кюхельбекера («мыслящий кружок» — Священная артель), Катенина (Преображенские казармы), Чаадаева, Щербатова, Якушкина (семёновцы, «Семёновская артель») а также по линии масонских связей.

В составе перечисленных нами имён находится значительная часть основателей тайного общества и ряд членов первой декабристской организации — «Союза спасения» (С. Трубецкой, Никита Муравьёв, Катенин, Артамон Муравьёв, Якушкин, Матвей Муравьёв-Апостол, Пестель, Шаховский, Ф. Глинка), длинный ряд членов «Союза благоденствия» и его предшествующего звена — Военного общества, в том числе некоторые чрезвычайно видные члены «Союза благоденствия» (все перечисленные члены «Союза спасения» и кроме того Яков Толстой, Илья Долгорукий, Николай Тургенев, Фёдор Глинка, Мих. Орлов, Муханов, Чаадаев, Каверин, Бегичев, Челищев, Гагарин, Ивашев, Оленин, трое Семёновых, оба Перовских). В числе приведённых выше имён находятся и живые связи с преддекабристскими организациями — Священной артелью (Кюхельбекер, Бурцов, Ал. Семёнов) и Семёновской артелью (Якушкин, Щербатов).

Попробуем теперь восстановить общий политический облик Грибоедова в момент его первого отъезда на Восток (1818), исполь-

ДЕКАБРИСТ А. И. ОДОЕВСКИЙ
Акварель Н. Бестужева, 1830-е гг.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

зую тот путь, который был указан им самим в его переписке с Бегичевым.

Вторично уезжая на Восток в 1825 г., Грибоедов поручил С. Н. Бегичеву заботы о любимейшем своем младшем друге — А. И. Одоевском, которого называл в одном из писем «enfant de mon choix». «Александр Одоевский будет в Москве; поручаю его твоему дружескому расположению, как самого себя. Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию? — таков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел». Это драгоценное указание открывает возможность сравнения. Грибоедов знал Одоевского, как самого себя. Напомним, что зиму 1824/25 г. Грибоедов прожил в Петербурге в одной квартире вместе с Одоевским. Там же некоторое время жили Кюхельбекер и Александр Бестужев. Завсегдатаями квартиры были Рылеев и Оболенский. Это была, если можно так выразиться, горячая зима — Северное общество было охвачено спорами и обсуждениями по вопросу об общем плане действия с Южным обществом. Выбатывались общая программа и общий практический план выступления. Квартира Одоевского была одним из самых оживлённых центров тайной организации. В эту зиму сам Одоевский вступил в члены общества, в эту же зиму его друг Александр Бестужев вызвался на царевбийство; тогда же общество обсуждало план царевбийства, выдвинутый Якубовичем.

У Одоевского не было секретов от Грибоедова. Близость писателя с ним и В. Кюхельбекером была такова, что они по отъезде Грибоедова на Восток распечатывали приходившие на его имя письма, справедливо полагая, что между ними нет тайн. Давая Одоевскому приведённую выше характеристику, считая, что в 1825 г. он был «таков совершенно», как сам Грибоедов в 1818 г., перед первым отъездом на Восток, — мог ли Грибоедов исключить из этой характеристики вопрос о политическом облике человека, да ещё в момент его самых жарких политических увлечений? Думается, никак не мог. Поэтому имеет смысл восстановить в общих чертах хорошо отражённый в документальном материале облик Александра Одоевского в 1825 г., чтобы яснее разобраться в облике молодого Грибоедова, отъезжающего на Восток в августе 1818 г.

Одоевский признаётся на следствии, что вместе с Рылеевым мечтал «о будущем усовершенствовании рода человеческого»; с Рылеевым же «часто рассуждал я о законах». Никита Муравьёв утверждал, что оставил для Одоевского у Оболенского экземпляр своей «конституции». На следствии в показаниях Одоевского мелькают формулировки, которые нельзя не признать осколками звучавших в его квартире разговоров: «Русский человек — всё русский человек: мужик ли, дворянин ли, несмотря на разность воспитания, всё то же...» Очевидно, тема национального в связи с темой равенства людей возникала в разговорах. Одоевский кипел жаждой действия. Любопытно, что и Рылеев и Бестужев приписывали себе, каждый в отдельности, принятие Одоевского в тайное общество. Бестужев показал, что принял его с

зимы 1824/25 г. и что Одоевский «очень ревностно взялся за дело». Несмотря на короткий период своего пребывания в обществе, Одоевский успел сам принять двух новых членов (Ринкевича и Плещеева). Оржицкий виделся с Одоевским в Москве после известия о смерти императора и именно из его намёков догадался, «что что-то у них готовится». В начале декабря 1825 г. Одоевский возвратился в Петербург, попал в самый разгар приготовлений к восстанию, — душою подготовки был его друг Рылеев, — и очень радовался, что пришло время действовать. Несколько декабристов на следствии говорили о восторженном отношении Одоевского к предстоящему выступлению и передавали его слова: «Умрём, ах, как славно мы умрём!» или вариант этого же восклицания: «Умрём славно за родину!» Одоевский на следствии сам признал эти слова. В каре восставших 14 декабря Одоевский «прискакал верхом, но слез (с коня) и ему сейчас [же] дали в команду взвод для пикета, где стоял с пистолетом» (показание Бестужева). Когда против восставших выстроилась поддерживавшая Николая конная гвардия, то конногвардейца Одоевского декабристы вывели перед нею и, агитируя за переход на сторону восстания, показывали на него и говорили: «Ведь это — ваш». Кюхельбекер, отлично знавший Одоевского, называл его на следствии «энтузиастом». Завалишин писал: «Немного можно найти людей, способных так увлекаться, как увлекался Одоевский»¹³¹.

Сам Грибоедов уполномочил исследователя сравнить себя в 1818 г. с этим обликом. Используем это полномочие самым осторожным образом, сделаем из него самые скупые выводы. Можно утверждать: уезжавший в 1818 г. на Восток Грибоедов отличался горячим патриотизмом, вольномыслием и свободолюбием, ему далеко не были чужды политические интересы и конституционные увлечения; он жаждал какого-то действия, практической работы на пользу любимой родины. Облику Одоевского менее всего присущ политический скептицизм, — и сам Грибоедов уполномочил исследователя на правдоподобное предположение: 23-летнему Грибоедову при отъезде на Восток в августе 1818 г. было свойственно горячее увлечение политическими вопросами.

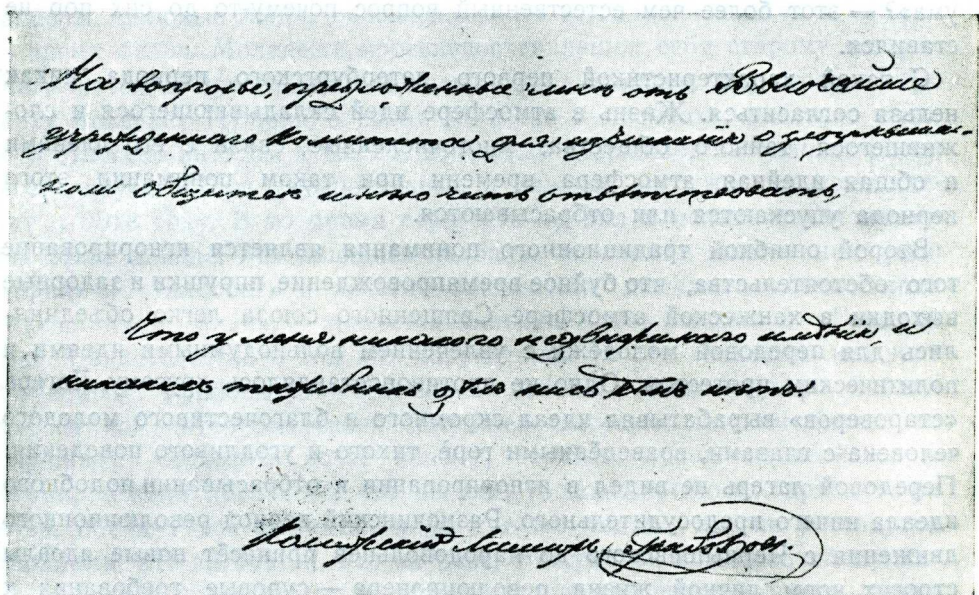
В путевых записках, относящихся к 1819 г., мы читаем драгоценную запись Грибоедова: «В Европе, даже и в тех народах, которые ещё не добыли себе конституции...» Не разбирая сейчас всего контекста этой записи, также чрезвычайно важного, обратим внимание лишь на приведённые слова: Грибоедов в 1819 г., то-есть всего годом позже разбираемого периода, полагает, что народы добывают себе конституцию и что добыть её — их историческая задача: одни народы её уже добыли, другие ещё нет, — то-есть когда-то добудут. Всё это — типично декабристский круг идей¹³². «Дух преобразования», по словам Пестеля, заставлял «езде умы клокотать». В атмосфере этого «клокотания» и родился замысел комедии «Горе от ума». И вот именно в это горячее время Грибоедов был вырван из своей оживлённой среды и волею правительства перенесён на Восток.

Ехал он туда не волею, а неволею. Позже он горько называл себя «добровольным изгнанником», но сейчас мы увидим цену этой «доброй воли». Об обстоятельствах изгнания свидетельствует разбор громкого дела — дуэли кавалергарда В. В. Шереметева с графом А. П. Завадовским, в которой был замешан и Грибоедов. Дуэль произошла 12 ноября 1817 г. Для нас нет нужды входить во все подробности этой дуэли из-за танцовщицы Истоминой, дуэли, кончившейся смертью В. Шереметева. Важно отметить, что негласные ссылки, служебные переводы в отдаленные места и другие кары постоянно сопровождали правительственное следствие о подобных делах. Грибоедов — секундант Завадовского — облегчил своё положение на следствии тем, что так и не сознался в секундантстве, а товарищи его не выдали. Завадовский явно выгораживал на следствии Грибоедова, говоря, что «не знает», с кем именно приехала к нему Истомина, и т. д. Но причастность Грибоедова к дуэли, равно как и многие прочие обстоятельства, которые хотели скрыть на следствии Завадовский и Якубович (секундант В. Шереметева), были в столице секретом полишинеля. Дуэли и причастность к ним карались весьма строго. Данной дуэлью немедленно занялось министерство внутренних дел — выписка из подлинного следственного дела была послана министру внутренних дел Козодавлеву и министру народного просвещения Голицыну в Москву, где тогда находился двор. Гипотеза о «помиловании» царём участников по просьбе отца убитого Шереметева не подтверждается ничем. Петербургский генерал-губернатор Вязьмитинов назначил по этому делу особую комиссию в составе полковника кавалергардского полка Беклешова, полицмейстера Ковалёва и камер-юнкера Ланского. Мать Грибоедова, имевшая в Москве «огромное знакомство», надо думать, пустила в ход все связи, чтобы выгородить из беды любимого сына. В 1817 г. её возможности в этом отношении ещё увеличились: дочь Алексея Фёдоровича Грибоедова, её родная племянница, только что вышла в том же 1817 г. замуж за влиятельного генерала И. Ф. Паскевича, хорошо известного двору. С ноября 1817 г. по март 1818 г. (с отлучками) Паскевич жил в Москве, в доме своего тестя, только что вернувшись из поездки по России с великим князем Михаилом Павловичем, которого он сопровождал и которым он руководил по просьбе императрицы-матери. Весной 1818 г. он выехал с великим князем за границу¹³³.

Очевидно, в это время ему и удалось уладить дело с дуэлью и отвести грозу, нависшую над двоюродным братом жены. Грибоедов отделался сравнительно легко, но участь его в одном отношении сходна с судьбою всех остальных участников происшествия — всех в той или другой форме подвергли высылке, удалили из столицы: Завадовский был уволен в длительный отпуск за границу, Якубович — выслан на Кавказ (Александр I недаром называл Кавказ «тёплой Сибирью»), Грибоедов оказался, в конце концов, ещё дальше — в Персии. Ряд исследователей, работавших над подлинными документами следственного дела, приходят к тому же выводу: «В конце этого года случилось собы-

тие, которое заставило Грибоедова покинуть Петербург: дуэль В. Шереметева с графом А. П. Завадовским», — пишет С. Белокуров. «Участие в дуэли принесло Грибоедову немало неприятностей и именно из-за неё он должен был оставить Петербург и принять место секретаря нашей миссии в Персии» (Н. Шаломытов, — Язон). Академик А. Н. Веселовский не приводит доводов для своего предположения, будто бы именно мать Грибоедова настояла на его отправке в Персию, однако всё же называет его пребывание там «почётной ссылкой»¹³⁴.

Особенно же вескими доказательствами невольного отъезда на Восток являются собственные свидетельства Грибоедова, отнюдь не

СОБСТВЕННОРУЧНЫЙ ОТВЕТ ГРИБОЕДОВА НА ВОПРОС СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ, ВЛАДЕЕТ ЛИ ОН НЕДВИЖИМЫМ ИМУЩЕСТВОМ И ИМЕЕТ ЛИ ТЯЖЕБНЫЕ ДЕЛА
Центральный государственный архив древних актов, Москва

говорящие о добровольном выборе службы: «Однако, довольно поговорено о «Притворной неверности», теперь объясню тебе неприятную мою печаль. Представь себе, что меня непременно хотят послать, куда бы ты думал? — В Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ничто не помогает», — в таких словах впервые сообщает Грибоедов Бегичеву о своём отъезде (письмо от 15 апреля 1818 г.). О той же недобровольности свидетельствует письмо к Бегичеву с дороги — из Новгорода: «Сейчас опять в дорогу, и от этого одного беспрестанного, противувольного движения в коляске есть от чего с ума сойти»¹³⁵.

Мы рассмотрели вопрос о связях Грибоедова с декабристами и их друзьями в первый петербургский период его жизни. После всего ска-

занного нельзя не признать, что до сих пор представление биографов Грибоедова об этом периоде было крайне неточно, упрощённо и бедно. Опираясь на беглое указание Бегичева, сознательно скрывшего в своих воспоминаниях всю идейную жизнь Грибоедова и указавшего лишь на одну сторону его времяпровождения («по молодости лет Грибоедов вёл весёлую и разгульную жизнь»), основываясь на общем определении Ф. Булгарина, кстати, не знавшего Грибоедова в те годы («он жил более в свете и для света...»), на нескольких фразах случайно уцелевших писем Грибоедова к Бегичеву, говорящих об увлечениях юности, исследователи пришли к выводу, что петербургский период — это время «беззаботного прожигания жизни»¹³⁶ и только. Каким же образом «прожигание жизни» могло подготовить «Горе от ума»? — этот более чем естественный вопрос почему-то до сих пор не ставился.

С такой характеристикой первого петербургского периода никак нельзя согласиться. Жизнь в атмосфере идей складывающегося и сложившегося тайного общества, многочисленные связи с его членами и общая идейная атмосфера времени при таком понимании этого периода упускаются или отбрасываются.

Второй ошибкой традиционного понимания является игнорирование того обстоятельства, что буйное времяпровождение, пирушки и задорные выходки в ханжеской атмосфере Священного союза легко объединялись для передовой молодёжи с увлечением вольнодумными идеями и политическим протестом. Одно не противопоставлялось другому. Лагерь «староверов» вырабатывал идеал скромного и благочестивого молодого человека с глазами, возведёнными горё, тихого и угодливого поведения. Передовой лагерь не видел в игнорировании и отбрасывании подобного идеала ничего предосудительного. Разночинский период революционного движения с Чернышевского до народолюбцев принесёт новые идеалы строгих норм личной жизни революционера — суровые требования к личному поведению и морали. Но представление передовых кругов о личном поведении передового вольнодумца в эпоху дворянской революционности было существенно иным. Ещё Герцену, представителю второго поколения дворянских революционеров, приходилось спрашивать в своём дневнике о том, поймут ли грядущие русские люди, «отчего мы лентяи, отчего ищем всяких наслаждений, пьём вино и проч.?» Шли уже сороковые годы, постановка вопросов была другой, но и тут мы находим некоторые отголоски указанной выше особенности. Это была именно своеобразная черта времени. Никто не усомнится в глубоких идейных интересах молодого Чаадаева, которого Пушкин называл Периклом и Брутом, имя которого он хотел начертать рядом со своим «на обломках самовластья». Но вместе с тем, Чаадаев превосходно танцует, изысканно одевается, он «молодой изящный плясун», по определению его биографа Жихарева, он «выделяет *entreechat*» не хуже «киного танцмейстера»¹³⁷. Замешанный в дело о возмущении Семёновского полка офицер Д. Ермолаев пишет своему другу И. Щербатову: «Сперва заеду к Петру Яковлевичу на консультацию, как бы фатом

одеться»¹³⁸. Пушкин дал исчерпывающий ответ по данному вопросу в своём послании к Каверину (1817):

Молись и Кому и Любви,
 Минуту юности лови
 И черни презирай ревнивое роптанье.
 Она не ведает, что можно дружно жить
 С стихами, с картами, с Платоном и с бокалом,
 Что резвых шалостей под лёгким покрывалом
 И ум возвышенный и сердце можно скрыть.

Заметим, что весёлое времяпровождение и гусарские выходки соединялись с пренебрежительным отношением к традициям светского общества, к балам, танцам, салонному любезничанью с дамами. Прекрасные танцоры, молодые люди, оказывается, не всегда снисходили к танцам во время балов. Молодежь, противопоставлявшая себя старому лагерю, оказывается, и тут принимала позу независимости. Эту любопытную черту отмечает Пушкин в своём «Романе в письмах», действие которого отнесено автором к 1829 г. Владимир возражает на одно из писем своего друга: «Твои умозрительные и важные рассуждения принадлежат к 1818 году. В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг — нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами». «Танцовщики ужасно стали редки», — жалуется княгиня Тугоуховская в «Горе от ума». Свидетельство о той же характерной черте находим мы и в «Студенте» Грибоедова — Катенина (1817). Когда гусар Саблин смеётся над интересом своей замужней сестры к детским балам, та возражает: «Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться с детьми, нежели делать то, что вы все, господа военные... приедут на вечер, обойдут все комнаты, иной тут же уедет... другие рассядутся стариками, кто за бостон, кто за репс, толкуют об лошадях, об мундирах, спорят в игре, кричат во всё горло, или, что ещё хуже, при людях шепчутся... музыканты целый час играют по пустому, никто и не встаёт: тот не танцует, у того нога болит, а всё вздор; наконец иного упрелят, он удостоит выбором какую-нибудь счастливую девушку, покружится раз по зале — и устал до ужина».

Именно в этот петербургский период своей жизни Грибоедов мог наблюдать основное живое противоречие времени: коллизию двух лагерей — старого, крепостнического и нового, передового, антикрепостнического. Новатор стоял против староверов и обличал их словом. Новатор проповедывал новое, говорил, агитировал. Живое передовое слово, обличающее косность старого, было его жизненным делом. Наблюдение этой коллизии — самая существенная сторона петербургского периода.

В Москву — проездом на Восток — Грибоедов приехал 3 сентября 1818 г. и пробыл в ней дней десять-двенадцать¹³⁹; 5 сентября он писал Бегичеву: «Через три дня отправляюсь», — т. е. был намерен пробыть в Москве не далее 8 сентября, но 9 сентября он ещё не уехал, о чём свидетельствует его новое письмо из Москвы Бегичеву. В следующем

письме — уже с дороги — он пишет Бегичеву, что пробыл в Москве «неделю долее, чем предполагал»; отсюда можно заключить, что он уехал из Москвы около 15 сентября. У него была масса хлопот: кроме свиданий со своей роднёй, он посетил родственников и знакомых Бегичева — видел брата Бегичева Дмитрия Николаевича, Чебышёву, Наумова, Павлова, к нему заходил Андрей Семёнович Кологривов; на другой день по приезде Грибоедов отправился заказывать «всё нужное для Персии». Был в театре, где давали его пьесу «Притворная неверность», — в театре его залобызал «миллион знакомых». Конечно, видел только-что поставленный на Красной площади монумент Минину и Пожарскому. Москва была полна впечатлением от годового пребывания двора и гвардии, недавно уехавших. Наверно, Грибоедов выслушал не мало рассказов о тех днях, «когда из гвардии иные от двора сюда на время приезжали», о поведении в это время дам, о том, что всего месяца три тому назад «его величество король был прусский здесь...»¹⁴⁰.

Москва ему не понравилась: «В Москве всё не по мне. Праздность, роскошь, несопряжённые ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему»...

«Горе от ума» позже создаст понятие «грибоедовской Москвы». Надо отдать себе отчёт в том, что непосредственные наблюдения над жизнью Москвы до написания комедии автор мог сделать только в детстве, юности да в это краткое посещение перед отъездом на Восток. Точнее говоря, он непосредственно наблюдал «грибоедовскую Москву» перед сочинением «Горя от ума» — с детских лет до 1 сентября 1812 г., когда ушёл с полком в Казань, и дней десять-двенадцать в 1818 г. — не более. Правда, известна одна записочка Грибоедова В. Ф. Гагариной, написанная предположительно в Москве и датированная 1813 г.¹⁴¹, но и это не меняет общей картины: если мельком, уже будучи на военной службе, Грибоедов и посетил Москву, — погорелую и разоренную французским нашествием, то это, конечно, не была в тот момент «грибоедовская Москва». Следующий раз, в 1823 г., с Востока он придет сюда уже с рукописью двух актов своей комедии. В них уже будет с бессмертной художественной отчётливостью зарисована «грибоедовская Москва». Таким образом, круг непосредственных московских впечатлений Грибоедова, отражённых в «Горе от ума», очень ограничен хронологически.

Подведём итоги:

«Горе от ума» было задумано Грибоедовым в 1816 г. — тогда же, когда возникло первое декабристское тайное общество. «Дух времени», который, по словам Пестеля, заставлял везде «умы клокотать», канун европейской революционной ситуации 1818—1819 гг., дифференцирующая на два противоположных лагеря Россия, общение с членами тайного общества — это и есть общественная атмосфера замысла. Поскольку первый петербургский период жизни Грибоедова и есть время первоначального замысла комедии «Горе от ума» и время начала работы над ней, — пора расстаться с представлением об этом времени, как о периоде «прожигания жизни». В этот период Грибоедов общается

Н. Н. РАЕВСКИЙ (младший)
Акварель П. Соколова, 1820-е гг.

Местонахождение оригинала
неизвестно

с широким кругом декабристов, их единомышленников и близких друзей. Его окружают члены первых декабристских организаций — «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Замысел комедии родился, рос и развивался в атмосфере раннего, одновременно с ним родившегося декабризма. Идеи, которые влекли вперед развитие замысла, были в широком смысле слова декабристскими идеями. Коллизия двух миров — старого и нового — является основой, стержнем комедии, без нее рушится замысел. Эта коллизия является одновременно и основной исторической предпосылкой декабризма, и композиционным стержнем комедии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М. Семевский, Несколько слов о фамилии Грибоедовых. Письмо к редактору журнала «Москвитянин». — «Москвитянин» 1856, т. XII, с. 309—323.

² Д. Смирнов, Черновая тетрадь Грибоедова. — «Русское Слово» 1859, № 4—5.

³ А. Бестужев, Знакомство с А. С. Грибоедовым. — «Отеч. Зап.» 1860, № 10, отд. I, с. 633—640.

⁴ А. Григорьев, По поводу нового издания старой вещи. — «Время» 1862, т. VIII, с. 43.

⁵ А. Герцен, Новая фаза русской литературы. — Полн. собр. соч. под ред. М. Лемке, т. XVII, с. 255.

⁶ Веселовский, Очерк первоначальной истории «Горя от ума». — «Русск. Арх.» 1874, т. VI. Его же, Александр Сергеевич Грибоедов. — «Русская Библиотека», Спб. 1875.

⁷ Ф. Достоевский, Биография, письма и заметки из записной книжки, Спб. 1883; Его же, Бесы. — Полн. собр. соч., т. VIII, 1905, с. 606—607.

⁸ А. Суворин, «Горе от ума» и его критики. В издании: А. С. Грибоедов,

Горе от ума, изд. А. С. Суворина, 1886; В. Розанов, Литературные очерки, изд. И. Перцова. Спб. 1899, с. 192—200. Ср. В. Розанов, В чём главный недостаток наследства 60—70-х гг. — «Моск. Вед.» 1891, № 192.

⁹ Е. Вейденбаум, Кавказские этюды, Тифлис, 1901; А. Безродный (Н. Шаломытов), В. К. Кюхельбекер и А. С. Грибоедов. — «Истор. Вестн.» 1902, кн. V.

¹⁰ П. Щёголев, Грибоедов в 1826 году. — «Лит. Вестн.» 1903, № 2. Его же, Грибоедов и декабристы, 1908 (с прил. факсимиле следственного дела). Его же, Исторические этюды, СПб. 1913. Его же, Декабристы, сб., М.-Л. 1926.

¹¹ Н. Пиксанов, Грибоедов и Бестужев. — «Известия II отд. Академии наук» 1906, т. XI, кн. IV, с. 49—78. Ср. Н. Пиксанов, Грибоедов. — Сборн. статей, 1934, с. 161—190. Его же, К характеристике Грибоедова. Поэт и ссыльные декабристы. — «Русск. Вед.» 1911, № 263 (15 ноября), — Здесь привлечено письмо Грибоедова к А. Добринскому.

¹² Н. Пиксанов, Творческая история «Горя от ума», М.-Л. 1928, с. 69.

¹³ Там же, с. 297.

¹⁴ Там же, с. 335 и 352.

¹⁵ Там же, с. 68.

¹⁶ Там же, с. 318.

¹⁷ Там же, с. 60.

¹⁸ Там же, с. 335.

¹⁹ Там же, с. 75—79. Цитированные выше слова о «вещем сне» принадлежат С. Дудышкину, По поводу 25-летия со дня смерти Грибоедова. — «Отеч. Зап.» 1854, № 4, с. 36.

²⁰ «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников». Редакция Н. К. Пиксанова, комментарии И. С. Зильберштейна, М. 1929, с. 46—47.

²¹ А. Грибоедов, Полн. собр. соч., Акад. изд., т. III, с. 144—145; подчеркнуто в начале мной, далее — Грибоедовым. — М. Н.

²² Н. Пиксанов, Творческая история «Горя от ума», с. 79—81.

²³ «Грибоедов в воспом. совр.», с. 329.

²⁴ В целом письмо не опубликовано. Подлинник в архиве В. Ф. Одоевского (Публичная Библиотека, Ленинград). Приношу благодарность Т. М. Ухмыловой, доставившей мне точную копию письма. Знаки двоеточия в скобках — в подлиннике. Цитировано Н. Пиксановым в «Творческой истории «Горя от ума», с. 78. В тексте есть неясность в согласовании слов.

²⁵ «Грибоедов в восп. совр.», с. 9.

²⁶ Д. Бебутов, Записки. — «Кавказский сборник», т. XXIII, Тифлис, 1902.

²⁷ А. Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 67.

²⁸ Н. Пиксанов, Творческая история «Горя от ума», с. 78.

²⁹ Там же, с. 79; заметим, что французский исследователь J. Patoull (Let théâtre de moeurs des origines à Ostrovski (1672—1850), Paris, 1912, p. 102) принимает 1816 г. за год замысла комедии и начала работы Грибоедова над ней. На той же точке зрения в 1908 г. стоял, повидимому, и Н. К. Пиксанов: он полагал, что Грибоедов «не менее 10 лет работал над комедией» (см. его статью «Александр Сергеевич Грибоедов», в «Истории русской литературы XIX в.» под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, т. I, с. 216).

³⁰ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 53.

³¹ Там же, с. 137.

³² Новосильцева, Рассказы из прошлого, — «Русская Старина» 1878, т. III, с. 546. Ср. Н. Пиксанов, Творческая история «Горя от ума», с. 75—79.

³³ Н. Пиксанов, Творческая история «Горя от ума», с. 92.

³⁴ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 133.

³⁵ Там же, с. 173.

³⁶ «Грибоедов в восп. совр.», с. 7, ср. с. 267. Во время отсутствия Бегичева из столицы, в связи с походом гвардии в Москву, с Грибоедовым на квартире некоторое время жил П. Каверин. Во время следствия по делу о дуэли Завадовского —

Шереметева фигурировало показание, что Грибоедов живет у Завадовского на квартире. Истомина показала, что Грибоедов повёз ее к Завадовскому, «где по его уверению он проживал» (видимо, на следствии ей было указано, что Грибоедов не жил у Завадовского). Ср. С. Шубинский и, Дуэль Шереметева с Завадовским в его сб. «Исторические очерки и рассказы», 6-е изд., Спб. 1911, с. 627.

³⁷ «Грибоедов в восп. совр.», с. 7.

³⁸ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 121; Воспоминания Катенина о Пушкине, — «Лит. Насл.», № 16—18, с. 635—644.

³⁹ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 124.

⁴⁰ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. — «Русск. Ст.» 1911, № 7, с. 148—149.

⁴¹ А. Каратыгина, Воспоминания. — «Рус. Вестн.» 1881, № 4, с. 566.

⁴² Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 162.

⁴³ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 301, л. 40 об.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 217 (дело Жандра, ср. л. 1 и 3; Жандр был допрошен Левашовым и Николаем I. Показания Жандра: «Князь Одоевский в сентябре месяце спас родственницу мою, вытащил её из воды, где она тонула, после чего из благодарности не мог я отказаться подать ему руку помощи, тем более, что родственница и сама была тут» (л. 1); «Рылеева я знаю около года» (л. 1). Николай I велел Жандре «простить» (там же, л. 3). Ср. «Восстание декабристов» (в дальнейшем сокращается «ВД»), — Центрархив, т. VIII, с. 81.

⁴⁵ «Грибоедов в восп. совр.», с. 242—43.

⁴⁶ «Русск. Ст.» 1881, сентябрь. Поднадзорность Жандра после ареста объясняет, почему Грибоедов считал переписку с ним невозможной. Это может рассеять недоумение по поводу слова «Невозможно» — в письме Грибоедова к Бегичеву от 9 декабря 1826 г. (Полн. собр. соч., т. III, с. 196). Ср. предисловие к изданию жандровской рукописи «Горе от ума», изд. А. Э. Бухгейм, М. 1912, с. XVIII.

⁴⁷ К. Рылеев, Полн. собр. стихотворений («Библиотека поэта»), 1939, с. 264—265.

⁴⁸ С. Шубинский, назв. соч., с. 634.

⁴⁹ «Грибоедов в восп. совр.», с. 277.

⁵⁰ Там же, с. 271.

⁵¹ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 123.

⁵² Там же, с. 194.

⁵³ Л. Майков, Пушкин в изображении М. А. Корфа. — «Русск. Ст.», т. ХСХI, 1899, сентябрь, с. 519.

⁵⁴ Там же, с. 520.

⁵⁵ Ю. Щербачев, Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Пётр Павлович Каверин, М. 1913, с. 37, 49, 53, 54, 56, 57, 145 (к стр. 46). Ср. Н. Тургенев, Дневник, т. II, с. 158; В. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, 1909, с. 322.

⁵⁶ М. Лонгинов, Воспоминания о П. Я. Чаадаеве, — «Русск. Вестн.» 1862, ноябрь, с. 188; М. Жихарев, Петр Яковлевич Чаадаев («Из воспоминаний современника»). — «Вестн. Евр.» 1871, июль и сент., с. 188.

⁵⁷ Необходимо отметить особую важность показаний И. Г. Бурцова о П. Я. Чаадаеве: Бурцов отошёл от тайного общества после 1821 г. и не мог бы знать о членстве Чаадаева, если бы тот вступил в тайное общество после 1821 г. — ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 95, л. 19 (неопубл.).

⁵⁸ «Декабристы и их время», — Сб. I, с. 151. В 1816 г. (с 5 июня) Якушкин уезжал из Петербурга в Сосницы, в 37-й егерский полк. — «ВД» III, 40; И. Якушкин, Записки, с. 16.

⁵⁹ И. Якушкин, Записки, с. 15, 16.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ «Декабристы и их время», — Сб. I, с. 148, 151, 163, 170; «Семёновское дело» — Сб. «Декабристы», 1926 (Всесоюзн. б-ка им. Ленина), с. 173, 175, 176.

⁶² Б. Модзалевский, К истории «Зелёной лампы». — «Декабристы и их время», сб. I, с. 12.

⁶³ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 135, 154.

⁶⁴ «Грибоедов в восп. совр.», с. 396.

⁶⁵ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 134—135.

⁶⁶ Ср. «Пушкин», «Временник Пушк. комиссии», т. II, с. 31.

⁶⁷ J. Tolstov, Essai biographique et historique sur le feldmaréchal prince de Varsovie comte Paskevitch d'Erivan, Paris 1835, p. 46; Письмо Я. Толстому к Н. Всеволожскому. — Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 134—135 (Заметим, что нет оснований озаглавливать письмо условным названием «Петербургским друзьям», раз оно совершенно точно адресовано определённым лицам).

⁶⁸ «Труды Публичн. б-ки им. Ленина», кн. III, 1934, с. 39; П. Каратыгин, Записки, Спб. 1880, с. 43.

⁶⁹ «Грибоедов в восп. совр.», с. 248.

⁷⁰ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 312. Ср. ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 372, л. 18 об. Заметим, что декабрист фон-дер-Бригген был знаком с семёновским офицером Римским-Корсаковым, одним из знакомых Грибоедова.

⁷¹ «Рукою Пушкина», 1935, с. 828—829.

⁷² «Кюхельбекер служил в 1824 г. на Кавказе, где приятелем его был Грибоедов. встретивший его у меня и с первого взгляда принявший его за сумасшедшего». — Н. Греч, Записки о моей жизни, СПб, 1886, с. 384.

⁷³ «Грибоедов в восп. совр.», с. 25.

⁷⁴ Там же, с. 341, 342. Ср. Ю. Тынянов, Французские отношения В. К. Кюхельбекера. — «Лит. Насл.» № 33—34, 1934.

⁷⁵ Т. Сосновский, Александр Сергеевич Грибоедов. — «Русск. Стар.» 1874, № 5, с. 160.

⁷⁶ В. Кюхельбекер, Дневник, 1929, с. 340, 335—336.

⁷⁷ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. I, с. 148—149. Ср. Ю. Тынянов, Пушкин и Кюхельбекер, — «Лит. Насл.», № 16—18, 1934, с. 331.

⁷⁸ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 148. Заметим, что выражение письма «les plies de ceux qui me vouèrent quelque souvenir» является прямым указанием, что Юстина Карловна Кюхельбекер вспомнила Грибоедова и написала ему письмо.

⁷⁹ М. Нечкина, «Священная артель» (рукопись), работа, специально посвящённая вопросу об этой ранней организации — предшественнице первых декабристских обществ (печатается во Временнике «Пушкин»).

⁸⁰ «ВД», 164, 141, 192, 158; Ю. Тынянов, Пушкин и Кюхельбекер, цит. соч., с. 334, Его же, Французские отношения В. К. Кюхельбекера, цит. соч. В последней работе Тынянов пишет следующее о перечислении учебных заведений в словах Хлёстовой и Тугоуховской в «Горе от ума»: «Здесь дан полный и точный список учебных заведений, в которых учился и преподавал Кюхельбекер: он кончил лицей, преподавал в Педагогическом институте, был воспитателем пансиона и состоял при этом секретарём общества взаимных ланкастерских обучений». Ср. его прозвище «Кугельбекер» — пекарь пуль.

⁸¹ «Грибоедов в восп. совр.», с. 171.

⁸² М. Муравьёв, Декабрист Артамон Захарович Муравьёв. — Сб. «Тайные общества в России в нач. XIX в.», М. 1926, с. 105—106.

⁸³ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 403, л. 22 об.; ср. л. 24 об. (формуляр).

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 174 (Грибоедова). Ср. П. Щёголев, Декабристы, М.-Л. 1926, с. 93.

⁸⁵ Н. Дружинин, Массонские знаки Пестеля. — «Музей Революции СССР», сб. II, с. 16, 19, 20, 23, 24; Ф. Вигель, Записки, т. IV, с. 57; А. Пыпин, Русское масонство XVIII в. и первой четверти XIX в. Птр. 1916, с. 318, 326, 426; В. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, 1909, с. 288.

⁸⁶ С. Чернов, Из отчёта о командировке в Москву и Ленинград осенью 1922 г., Саратов 1924, с. 32.

⁸⁷ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 134, 312; Н. Тургенев, Дневник, т. I, сс. 11—12, ср. 420; повидимому, с А. И. Тургеневым Грибоедов не был знаком до 1824 г., если, конечно, об этом был точно осведомлён П. А. Вяземский («Познакомьтесь с Грибоедовым, он с большими дарованиями и пылом», — писал Вяземский 22 июня 1824 г. А. И. Тургеневу).

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 396 (М. П. Бестужева-Рюмина), л. 26-26 об.

⁸⁹ Сб. «Декабристы и их время», т. I, с. 210—211.

⁹⁰ М. Жихарев, Пётр Яковлевич Чаадаев, с. 37; М. Гершензон, История молодой России, М. — Птр. 1923, с. 10.

⁹¹ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 84 и 85; ср. т. I, с. LX.

⁹² «Грибоедов в восп. совр.», с. 173.

⁹³ «Архив Библиотеки Зимнего дворца», дело № 1230 (письмо из Петербурга от 17 июня 1828 г.)

⁹⁴ «ВД», т. I, с. 239, 252, 316 (ср. 308).

⁹⁵ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 56 (Кологривов), л. 6 об. — 7 («Я уже был поражён известием, которое я получил 10 ноября о внезапной кончине единственного моего благодетеля, родного дяди генерала Кологривова. В полку известно, сколько сия смерть меня расстроила»). Отпуск в Москву был дан Кологривову именно в связи со смертью дяди, что и спасло его от участия в восстании 14 декабря 1825 г. Ср. там же, л. I: «С 6-го декабря отпущен был я на 28 дней и отправился в Москву. Там я узнал о происшествии по разглашению около 22 числа печатными газетами». Ср. Б. Пушкин, Арест декабристов. Сб. «Декабристы и их время», т. II, с. 382, 393.

⁹⁶ В именном указателе к полному собранию сочинений Грибоедова этот Кологривов помещён без инициалов и никак не комментирован. (Ср. Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 385, ср. 308).

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 56, л. 8 об. — 9 (формуляр А. Л. Кологривова).

⁹⁸ Там же, лл. 2, 5, 11, 4, 10.

⁹⁹ Там же, л. 5.

¹⁰⁰ Там же, лл. 7, 8 об. — 9.

¹⁰¹ П. Воронов, В. Бутовский, И. Вальберг, Н. Карепов, История лейб-гвардии Павловского полка, СПб. 1890, сс. 21, 143, Ср. Приложение: «Список штабных обер-офицеров л.-гв. Павловского полка»; ср. Д. Смирнов. — «Историч. Вестн.» 1909, апрель, с. 137; ср. Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 308; ср. Лефорт. Архив. Дела канц. нач. Гл. штаба, св. 18, д. 439, лл. 44, 138, 153; С. Панчулидзе, История кавалергардов, т. II, СПб. 1919, с. 7. Гвардия пошла в Москву в составе четырёх сводных полков: двух пехотных из первых батальонов шести гвардейских пехотных полков и двух кавалерийских из первых эскадронов шести кавалерийских полков, сверх того — 1-я батарея и 1-я лёгкая конная роты и дивизион казаков.

¹⁰² ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 427 (дело Поливанова) л. 9; С. Панчулидзе, Сборник биографий кавалергардов, СПб. 1904; «Грибоедов в воспом. совр.», с. 257; о масонстве И. Ю. Поливанова см. В. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, с. 322. Оправдываясь на следствии, Поливанов говорит: «Теперь могу сказать, что не имея природной склонности, я никогда не читал книг, ниже бумаг такого рода, кроме стихов Ода на свободу — и то из любопытства, гораздо прежде моего с Вадковским знакомства». ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 427, л. 9 об.; ср. там же, л. 17; С. Чернов, Имущественное положение декабристов. «Кр. Архив», т. XV, с. 190—191 (данные о И. Ю. Поливанове); именно отсюда почерпнут ряд сведений о И. Ю. Поливанове, изложенных в известном «Алфавите декабристов», — «ВД» т. VIII, с. 378—379; Отметим, что Языковы, упомянутые тут же в письме Грибоедова к Бегичеву от 4 сентября 1817 г., остались нерасшифрованными в академическом издании сочинений Грибоедова и в тексте письма получили фантастическую транскрипцию инициалов: «Усердный поклон твоим спутникам Д. В. и А. б. Языковым» (Полн. собр. соч., т. III, с. 124), причём комментатор

поясняет особенности транскрипции подлинника; комментатора ввела в заблуждение буква «С» с её старинным начертанием (сильный верхний загиб) — он принял её за маленькую (строчную) букву «б». Тут Грибоедов пишет о двух кавалергардах: Дмитрие Семёновиче Языкове 1-м (1793—1856) и Александре Семёновиче Языкове 2-м (род. в 1793, год смерти неизвестен), брате предыдущего; оба родом из дворян Муромского уезда, сыновья артиллерии поручика Семёна Григорьевича Языкова, оба учились вместе с Грибоедовым в Московском университете; старший «произведён студентом» в 1806 г., а младший — в 1807 г. В момент написания Грибоедовым письма оба Языковы — поручики кавалергардского полка. Ср. С. Панчулидзе, Сборник биографий кавалергардов, с. 233—234; этим обогащаются наши сведения о петербургских знакомых Грибоедова и о связях с кавалергардским полком. Отметим, что Н. В. Шаломытов правильно прочёл инициалы обоих Языковых — см. «Истор. Вестн.» 1909, т. IV, с. 137.

¹⁰³ Ф. Ф. Гагарин — брат жены П. А. Вяземского Веры Фёдоровны. О. Ф. Ггарине см. «Русск. Архив» 1897, т. VI, с. 256; т. VII, с. 435—436; С. Панчулидзе, Сборник биографий кавалергардов, с. 135—137; «Остаф. Арх». т. I, с. 441.

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. 48, оп. 1, 419, л. 1, 2, 18.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. 48, оп. 1 (д. Ивашева № 419), л. 4, 5 об., 6 (формуляр). Ср. О. Буланова-Трубникова, Три поколения, М.—Л. 1928. Ср. О. фон-Фрейман, Пажи за 183 года, Фридрихсгамн, 1894; расхождение в датах поступления Ивашева в кавалергардский полк между Фрейманом и Булановой разъясняется подлинным формуляром декабриста В. П. Ивашева — д. 419, л. 5 об.: Ивашев стал корнетом кавалергардского полка 28 февраля 1815 г.

¹⁰⁶ «QueIques heures de loisir à Toulchin», Par le P[rince] Variatijskoy, Moscou, 1824, pp. 10—11.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 48, оп. 4, д. 419, л. 8.

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. 48, оп. 4, д. 419, л. 30; М. Нечкина, Последний председатель Тульчинской управы (рукопись). О. Буланова-Трубникова, Цит. соч., с. 5—6, 8; Её же. Роман декабриста. Декабрист В. П. Ивашев и его семья (из семейного архива), 1925, с. 13, 15, 16; О. Фрейман, Пажи за 183 года, 183; С. Булич, А. С. Грибоедов-музыкант, см. Грибоедов, Полн. собр. соч. т. I, с. 308.

¹⁰⁹ М. Нечкина, Последний председатель Тульчинской управы (рукопись).

¹¹⁰ «ВД», с. 252, 316.

¹¹¹ «Из воспоминаний графа В. А. Сологуба». — «Русск. Арх.» 1865, т. I, с. 738; «Русск. Биограф. Словарь» (Сологуб Влад. Андр., с. 96); Вигель, т. IV, с. 144—145; Б. Модзалевский, Роман декабриста Каховского, Ленгиз, 1926, с. 22.

¹¹² ЦГАДА, ф. 48, оп. 1, д. 82 (Ф. Глянки), л. 17, 49; «ВД», т. III, с. 88; Следственное дело о Грибоедове, П. Щёголев «Декабристы», с. 97, 114; «Воспоминания Бестужевых», с. 129—130; Ю. Тынянов, Пушкин и Кюхельбекер, цит. соч., с. 331.

¹¹³ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 181—182; «Пушкин», Временник Пушкинской комиссии, т. VI, с. 263; Бумага, относящаяся до Отечественной войны 1812 г., собранные и изданные П. Щукиным, М. 1911, ч. X; ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 382 (дело Оржицкого), л. 1—9 об. 10; «Грибоедов в воспом. соврем.», с. 160; «Русск. Стар.» 1905, III, с. 711, 715.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 328 (Оржицкого), л. 1, 7, 8, 4, 9 об., 10 об., 11 об. 3 об., 15, 4 об., 16 об. О виселице Оржицкий сначала показывал, что не помнит и если сказал, то по шалости, а потом или категорически отрицал, или относил к другому случаю (своему недовольству на «московских бар», за то, что они расстроили его женитьбу. — Там же, л. 16 об.).

Н. Н. Оржицкий, несомненно, заслуживает специального изучения не только как интересная и яркая фигура декабристской среды, но и как поэт (сохранилось его стихотворение «Прощание гусара» и др.). Как показывал декабрист Д. И. Завалишин, Оржицкий предложил для расправы с царствующим домом проект «экономической виселицы». Хотя, естественно, Оржицкий и пытался на следствии отрицать это и вложить в свой проект другой смысл (он будто бы относил проект не

к царствующему дому, а к «московским барам»), приходится признать, что предложение действительно относилось к царствующему дому: об этом свидетельствует Мих. Бестужев в рассказах, записанных М. И. Семевским: «Оржицкий говорил: «Если вешать надо, то вешать экономически. На старом корабле стопушечном есть старые верёвки, есть вымпел, мачты, — на пространстве пяти футов можно повесить всех их и место ещё останется» («Воспоминания Бестужевых», М. 1931, с. 362). Оржицкий тесно связан как с Грибоедовым, так и со всей декабристской средой, которая хорошо осведомлена и в его личных делах. В одном из неопубликованных писем, сохранившихся в библиотеке Зимнего Дворца, декабрист Александр Бестужев пишет П. А. Муханову: «Про мое житьё-бытьё и про наши вести расскажет тебе Оржицкий, — мы его сплавил в Одессу... Хочет отведать тамошней скуки — показалось ему, что он хочет служить, но опыт разуверит его, я думаю, очень скоро, если Софья не вовсе сделала его софистом» (фонд Библиотеки Зимнего Дворца, дело № 1230). Последние слова, очевидно, намекают на дружескую близость Оржицкого с Софьей Петровной Крюковской (ЦГАДА, ф. 48, дело 383, л. 16 об.). Далее — в письме А. Бестужева — в непосредственном контексте стоит упоминание о Грибоедове, его матери и сестре. Упоминание о поездке Оржицкого в Одессу, несомненно, комментирует и ту встречу Грибоедова с Оржицким в Крыму, о которой автор «Горя от ума» пишет в известном письме к А. Бестужеву от 22 ноября 1825 г. (Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 182).

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 74 (дело Зыкова), л. 3, 20, 14 об., 18 об. — 19, 29 (формуляр), 7 об., 9, I. На очной ставке с Оболенским Зыков сознался, что был принят в тайное общество в 1823 г. — Там же, лл. 21, 24; «Воспоминания Катенина о Пушкине». — «Лит. Насл.» № 16—18, 1934, с. 637, 635, 644.

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 74, л. 36—36 об. и 38.

¹¹⁷ Там же, л. 10 об.

¹¹⁸ Там же, л. 22 об. и 24, 25.

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 82; Я. Грот, Об авторе «Митюхи Валдайского», — «Библиографические Записки» 1861, № 15, столб. 449. П. Н. Семёнов был прекрасным имитатором («большой мастер передразнивать»).

¹²⁰ М. Нечкина, Из истории рабочего движения эпохи декабристов. Сб. «История пролетариата СССР», т. II, 1930, с. 250—263; С. Шубинский, цит. соч., с. 626; С. Дурылин, Русские писатели у Гёте в Веймаре. — «Лит. Насл.» № 4—6, 1932, с. 412—415, 420.

¹²¹ Т. Сосновский, цит. соч., т. V, с. 161; «Пушкин, Временник Пушк. комиссии», т. III, с. 520; «Воспоминания Катенина о Пушкине», цит. соч., с. 636.

¹²² А. Пушкин, Русский Пелам. Вновь открытые автографы Пушкина, транскрипция и комментарии М. А. Цявловского. — «Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина», вып. III, с. 11, 13, 37.

¹²³ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 172—173.

¹²⁴ Н. Шильдер, Император Александр I, т. IV.

¹²⁵ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 156, 158.

¹²⁵ Напомним, что к этой же группе лиц, учившихся одновременно с Грибоедовым в московском пансионе или университете, относятся также В. Раевский, Ф. Вадковский, А. Черкасов и П. Повало-Швейковский; я не упоминаю их в тексте в силу того, что мне неизвестно точно их местопребывание в годы первого петербургского периода.

¹²⁷ «ВД», т. I, с. 86, 135, 306, 315; т. III, с. 18, 81.

¹²⁸ «Семёновское дело», с. 189; ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 253 (Бегичева), лл. 3—4 об.; С. Панчулидзе, История кавалергардов, т. IV, с. 256; М. Муравьёв, Декабрист Артамон Захарович Муравьёв, цит. соч., с. 106; П. Каратыгин, Записки, 1880, с. 280, «Пушкин, Временник Пушк. комиссии», т. II, с. 15, 23, 310; сб. «Декабристы и их время», т. I, с. 175; «Рукою Пушкина», с. 828—29; М. Глинка, Записки, 1887, с. 48; Г. Тимофеев, А. А. Алябьев. Очерк жизни и творчества, М. 1912, с. 12; Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 123—149;

«Лит. Насл.» № 16—18, с. 369, 622, 624; «Декабристы и их время», т. I, с. 152, 178, 162, 211; т. II, с. 28; П. Щёголев, Декабристы, 1926, с. 91, ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 427 (Поливанова), л. 15, 16.

¹²⁹ «Литературное Наследство» № 16—18, с. 622, 623, 631; И. Якушкин, Записки, 7-е изд., с. 29; «Грибоедов в восп. совр.», с. 264; ЦКАДА, ф. 48, оп. I, д. 379 (фон-дер-Бриггена), л. 33.

¹³⁰ «ВД», т. II, с. 46; И. Пущин, Записки о Пушкине. Ред. и прим. С. Я. Штрайха, с. 67, 116—117.

¹³¹ «ВД», т. II, с. 159, 258, 260, 261, 263, 270; ЦГАДА, ф. 48, оп. I, д. 382 (Оржицкого), л. 16; «Грибоедов в восп. совр.», с. 156.

¹³² Грибоедов. Полн. собр. соч., т. I, с. 51.

¹³³ Щербатов. Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич, его жизнь и деятельность, т. I, СПб. 1888, с. 318, 326, 327—328 (с ноября 1817 г. по март 1818 г. И. Ф. Паскевич был в Москве и жил в доме Ал. Фёд. Грибоедова, но не сплошь, а наездами; так, например, известно, что в декабре 1817 г. его по службе посылали в Гжатск; разумеется, Наталья Фёдоровна Грибоедова могла выбрать тут время для хлопот о сыне перед Паскевичем).

¹³⁴ С. Белокуров, Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей. А. С. Грибоедов. — «Русское Обозрение» 1895, март, с. 388 (подчёркнуто мною — М. Н.), с. 380; статья Ал. Веселовского о Грибоедове см. в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, т. XVIII, с. 692; С. Шубинский, цит. соч., с. 625, 626, 627; «Грибоедов в восп. совр.», с. 10, 267. Язон, Новые данные о Грибоедове. — «Русская Правда» 1904, № 19.

¹³⁵ Грибоедов, Полн. собр. соч., т. III, с. 211 (выражение, что в Персии Грибоедов «против воли»), 130.

¹³⁶ Н. К. Пиксанов характеризует первый петербургский период, как «беззаботное прожигание жизни» — (Грибоедов, Полн. собр. соч., т. I, с. XXVI).

¹³⁷ М. Жихарев, цит. соч., с. 180—181.

¹³⁸ «Семёновское дело», Соч., с. 162—163.

¹³⁹ Д. Завалишин, Записки декабриста, 2-е русск. изд. с. 99.

¹⁴⁰ Н. Шильдер, Александр I, т. IV, с. 108; С. Панчулидзе, История кавалергардов, т. IV, с. 8; П. Дирин, История лейб-гвардии Семёновского полка, т. II, с. 20—25.

¹⁴¹ См. в настоящем томе публикацию В. Нечаевой, Письмо Грибоедова П. А. Вяземскому, стр. 228.